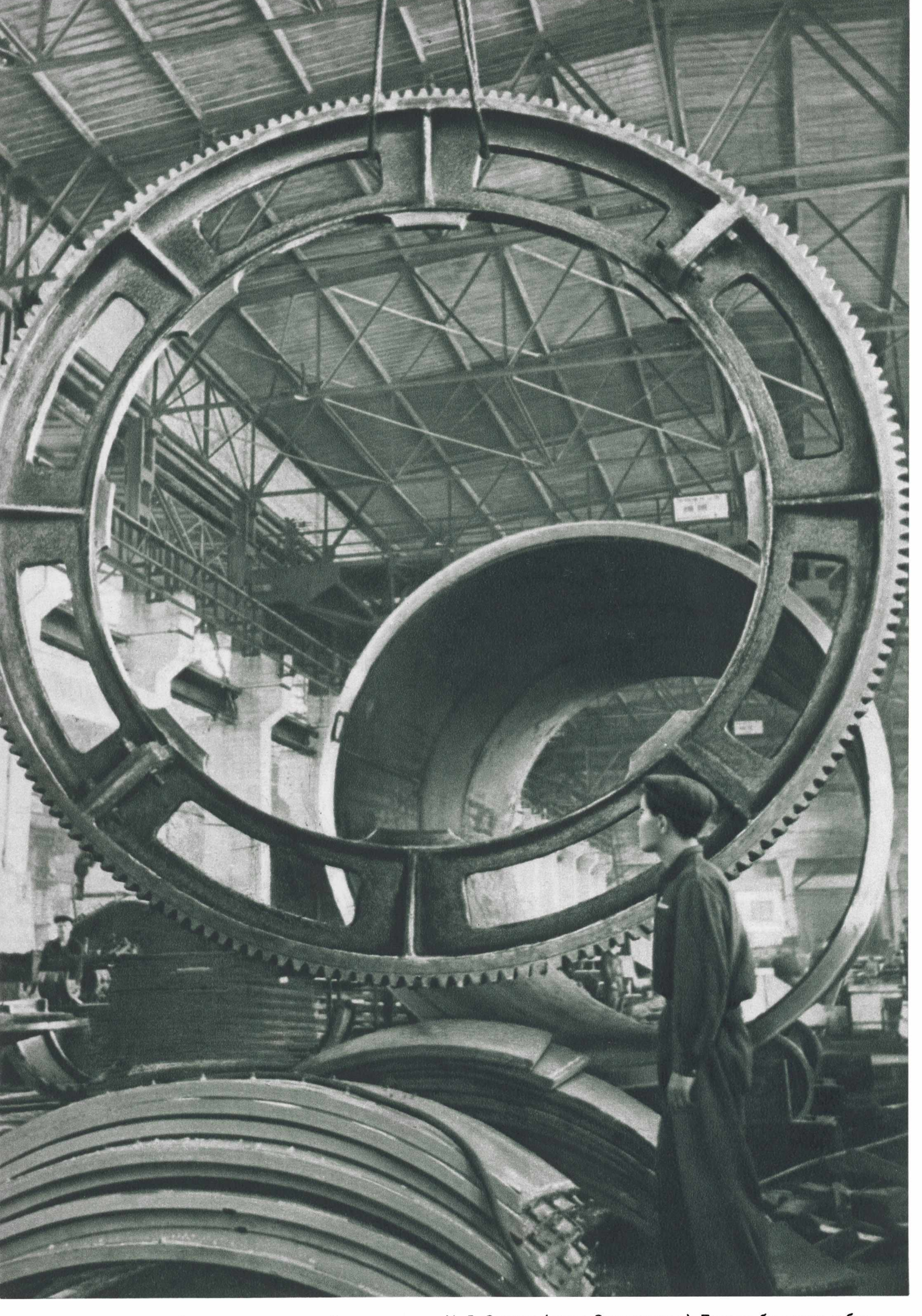

ОГОНЁК
№ 19 МАЙ 1953
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

Ново-Краматорский машиностроительный завод имени И. В. Сталина (город Электросталь). Подъем большого зубчатого колеса мельницы, предназначенной для размалывания угля, который идет на питание мощных котлов теплоэлектростанций. Производительность мельницы — 10 тонн угля в час.

Фото А. Шайхета.

На первой странице обложки: Отважный верхолаз, двадцатитрехлетняя электросварщица Александра Пушкова, работающая на строительстве высотного здания гостиницы на Дорогомиловской набережной.

Фото Дм. Бальтерманца.

На последней странице обложки: Подмосковье. Фото Ю. Кривоносова.

Пролетарии всех стран, соединяйтесь!

ОГОНЁК

№ 19 (1352)

10 МАЯ 1953

31-й год издания

ЕЖЕНЕДЕЛЬНЫЙ ОБЩЕСТВЕННО-ПОЛИТИЧЕСКИЙ И ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ ЖУРНАЛ

ПЕРВОЕ МАЯ В МОСКВЕ.

Демонстрация на Красной площади.

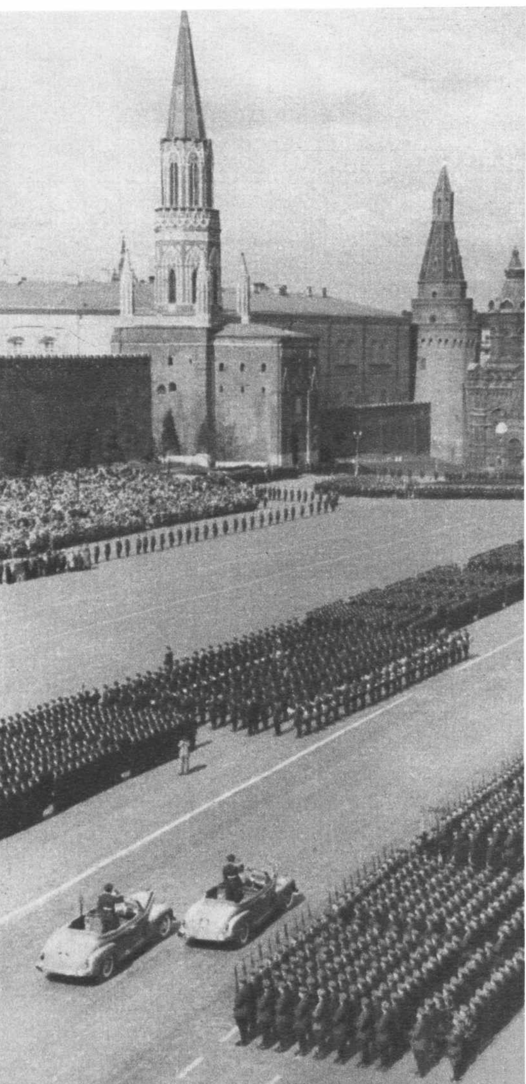
Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева.

На трибуне Мавзолея 1 мая 1953 года. Слева направо: товарищи **Н. А. Булганин, Н. С. Хрущев, К. Е. Ворошилов, Г. М. Маленков, Л. П. Берия, В. М. Молотов, Л. М. Каганович, А. И. Микоян, М. З. Сабуров, М. Г. Первухин, Н. М. Шверник.** Вместе с руководителями Партии и Правительства — дети, которые преподнесли им цветы.

Фото А. Устинова.

Первомайский парад на Красной площади.

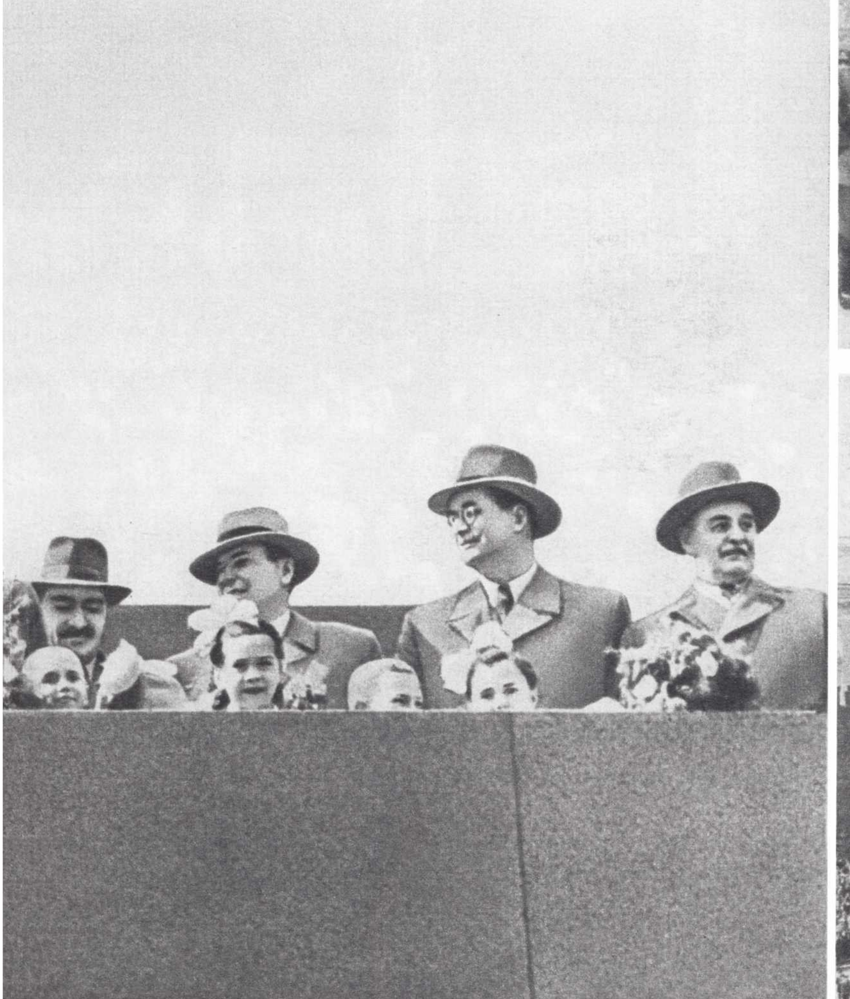

ВЕСЕННИЙ ПРАЗДНИК ТРУДЯЩИХСЯ

Как большое народное торжество прошел первомайский праздник на всей советской земле. Демонстрации и массовые гулянья были ярким выражением счастья и радости, которыми полны сердца трудящихся страны социализма. Есть чему радоваться, есть чем гордиться нашему народу!

Новые, величественные успехи одержаны промышленностью и сельским хозяйством. Неуклонно подымается вверх уровень культуры и материального благосостояния советских людей. В живой и кипучей нашей действительности так много происходит событий, которые ни одного человека не могут оставить равнодушным! Подымаются корпуса заводов, фабрик и электростанций, в корпусах — новых и старых — устанавливаются чудесные современные машины. Воздвигаются прекрасные жилые дома со всеми удобствами, щедро льются солнечные лучи сквозь широкие окна новых школ, строятся больницы, театры, клубы, библиотеки.

Советские люди с удовлетворением видят, что страна получает все больше угля, нефти, металла и все больше тканей, обуви, продуктов питания. Изо дня в день осуществляется мудрая политика Коммунистической партии и Советского правительства, существо которой было изложено в

Первого мая на Красной площади. На верхних снимках: парад. Внизу: проходят физкультурники; на трибуне — представители китайского народа.

Фото Дм. Бальтерманца, А. Гостева, М. Савина.

недавних заявлениях товарищей Г. М. Маленкова, Л. П. Берия, В. М. Молотова: неослабная забота о благе трудящихся, обеспечение коренных интересов народа, безопасности нашей Родины, дальнейшее укрепление социалистического государства и сохранение всеобщего мира.

Вся наша общественная жизнь проникнута духом пролетарского интернационализма, наш народ воспитывается Коммунистической партией в духе советской идеологии дружбы народов. Укрепляется и развивается дружественная связь с великим китайским народом, с трудящимися всех стран народной демократии, с трудовыми людьми всего мира.

С полным единодушием поддерживает народ внешнюю политику нашего правительства. Мы стоим за мир, за международное сотрудничество, мы твердо убеждены, что при доброй воле и разумном подходе все международные разногласия могут быть разрешены мирным путем.

«Советское Правительство будет приветствовать любые шаги правительств других государств,— сказал в своей речи на первомайском параде Маршал Советского Союза Н. А. Булганин,— действительно направленные к разрядке напряженности в международной обстановке, и хотело бы видеть подкрепление делами мирных заявлений, сделанных руководителями этих правительств. Но поскольку пока не имеется никаких признаков ни сокращения ими гонки вооружений, ни свертывания широкой сети военных баз, разбросанных на территориях многих государств Европы и Азии, в особенности на территориях, граничащих с Советским Союзом, наше Правительство будет и в дальнейшем проявлять должную заботу об обеспечении обороны и безопасности нашей Родины, оно призывает укреплять наши Вооруженные Силы, чтобы быть готовым в любой момент отразить попытку каких угодно враждебных сил помешать мирному и победоносному движению советского народа к своей великой цели — коммунизму».

Короткий, но яркий и выразительный первомайский парад в Москве с огромной силой и наглядностью показал, что Советские Вооруженные Силы надежно и бдительно стоят на страже мира и безопасности нашей Родины, охраняют мирный, созидательный труд советского народа.

Как только окончился парад, на Красную площадь вступили колонны представителей трудящихся. Это шествие было ярким выражением великого единения и сплоченности Коммунистической партии, Советского правительства и народа, волнующей демонстрацией морально-политического единства и дружбы народов СССР.

Множество плакатов и транспарантов явилось своеобразным рапортом партии, правительству, Родине о выполнении

предмайских обязательств, о славных трудовых победах, одержанных в социалистическом соревновании.

«Мы дали тысячи тонн стали и проката сверх плана», — рапортовал коллектив «Серпа и молота».

«Наш новый агрегат в течение часа может выпустить 60 цельнолитых стальных труб», — рапортовали рабочие завода «Красная Пресня».

Завод «Красный пролетарий» имени Ефремова. Выпущены три автоматические линии для изготовления металлических каркасов и железобетонных колонн новых зданий.

Комбинат «Трехгорная мануфактура». За четыре месяца нынешнего года выработано сверх плана 230 тысяч метров суровых и 320 тысяч метров готовых тканей.

Центральный научно-исследовательский институт технологии машиностроения. С начала пятой пятилетки в производство внедрено 540 созданных институтом машин, агрегатов и приборов.

Неисчислимы первомайские донесения, с которыми представители трудящихся Москвы вышли 1 мая.

Черты подлинно весеннего праздника приобретала демонстрация, когда по площади проходили дети с высоко поднятыми над головами букетами цветов, когда под шелковыми знаменами физкультурных обществ двигались колонны юношей и девушек.

«Мы за мир!» — тысячами плакатов заявляли участники демонстрации. Это голос всего великого советского народа.

* * *

Вся страна весело и дружно праздновала Первое мая. Повсюду происходили демонстрации, по всем городам и селам в течение трех праздничных дней состоялись массовые народные гулянья.

Москва. Первого мая вечером на Красной площади.
Фото Б. Вдовенко.

Москва. Красная площадь. После вручения цветов руководителям Партии и Правительства дети возвращаются с подарками.
Фото Дм. Бальтерманца и А. Гостева.

Ленинград. Демонстрация трудящихся на Дворцовой площади.
Фото В. Капустина (ТАСС).

Киев. Колонна физкультурников на параде.
Фото Н. Федорова.

Китайская Народная Республика. В Пекине, на площади Тяньаньмынь, в день международного праздника трудящихся 1 Мая. На трибуне (справа налево) — Председатель Центрального Народного Правительства Мао Цзэ-дун, мэр города Пекина Пын Чжэнь и заместитель Председателя Центрального Народного Правительства Лю Шао-ци с пионерами.

Фото агентства Синьхуа (принято по фототелеграфу).

Баку. Знатные буровые мастера проходят по площади имени Сталина.
Фото Ф. Шевцова (ТАСС).

Минск. В одной из колонн на демонстрации.
Фото М. Минковича (ТАСС).

Кишинев. В колонне демонстрантов.
Фото П. Лисенкина (ТАСС)

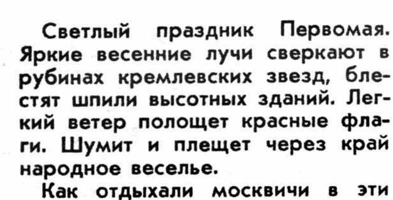

Рига. В колонне Государственного университета Латвийской ССР.
Фото Е. Ясенова (ТАСС).

НАРОДНОЕ ГУЛЯНЬЕ В МОСКВЕ

Светлый праздник Первомая. Яркие весенние лучи сверкают в рубинах кремлевских звезд, блестят шпили высотных зданий. Легкий ветер полощет красные флаги. Шумит и плещет через край народное веселье.

Как отдыхали москвичи в эти дни?

Все улицы и площади звенели песнями, везде царила радость. На десятках эстрадных подмостков шли концерты. Ансамбли художественной самодеятельности показывали свое искусство. Лучшие артисты столицы выступали с открытых площадок перед праздничными толпами.

...Мы в Измайлове — обновленном районе столицы, где протянулись широкие асфальтированные улицы, застроенные красивыми домами. В распахнутые окна с улицы льются звуки музыки.

Верхняя Первомайская улица. Перед домом № 32, на широкой площади, началось народное гулянье. Блестят на солнце трубы оркестра, легко кружатся пары. С волейбольной площадки доносятся тугие удары мяча. Девичий смех раздается то в одном, то в другом конце. Вдруг среди толпы образовался широкий круг, и молодой парень с лихо заломленной фуражкой стал отплясывать «русскую». Ему дружно хлопают в такт, он все чаще отбивает каблуками.

Внезапно наступила тишина, и все устремились к эстраде. Начинаются выступления артистов московского театра драмы и комедии. Идет отрывок из пьесы Островского «Шутники», и снова веселый смех прокатывается по толпе (фото 1).

Оставим измайловцев досматривать праздничный концерт и перенесемся в другой район, на другую площадь, тоже заполненную веселой толпой, площадь перед станцией метро «Завод имени Сталина» (фото 2). Здесь выступает Государственный ансамбль народного танца СССР под художественным руководством Игоря Моисеева. Виртуозно исполняют артисты огневой кавказский танец, и зрители награждают их горячими аплодисментами.

В этот час поезда метро, автобусы, троллейбусы, трамваи были заполнены москвичами, отправлявшимися в парки, в гости, на гулянья.

На одной из улиц Красной Пресни мы увидели вышедшего из своего дома старого рабочего «Трехгорной мануфактуры» Дмитрия Александровича Семечкина. Он прогуливался по тротуару с женой Прасковьей Алексеевной в ожидании гостей. Уже стало традицией, что в дни Первомая дети и внуки Дмитрия Александровича собираются у него на квартире за праздничным столом.

— Здравствуй, Василий, — говорит Семечкин, пожимая руку старшему сыну. — Собралась семья — теперь и праздновать можно...

— С праздником тебя, отец, и тебя, мать, — улыбается Василий Дмитриевич. Бабушка все внимание уделила маленькой Леночке, его дочери (фото 3).

— Ну, пошли...

И семья Дмитрия Александровича скрылась в подъезде дома.

...Мы продолжаем свой путь по первомайской Москве.

Парк в Сокольниках. Людно и шумно на его аллеях, одетых в нежный наряд изумрудной зелени. Особенно много здесь детворы. Сколько занимательных и веселых игр организовано для них, как чудесно проводят они праздник!

Площадь аттракционов заполнена школьниками. Трем подружкам (фото 4) хочется быстрее покататься на гигантском колесе или совершить полет на «мертвой петле».

— Ох, и страшно будет!..

А этим малышам на резвых скакунах (фото 5) так полюбилась карусель, что их трудно «выбить» из седла — и быстрое кружение и уговоры родителей не помогают.

Однако предложение покататься на речном пароходе соблазняет ребят больше, чем парковые аттракционы.

На Москве-реке снуют лодки, катера, речные трамваи. Едут семьями, дружескими компаниями, целыми экскурсиями (фото 6).

Настал вечер. Вспыхнули огни праздничной иллюминации, и небо словно выше поднялось над ликующим городом. Распахнулись двери дворцов культуры, театров, концертных залов.

К Красной площади, к Кремлю устремились толпы москвичей — нарядных, веселых, радостных (фото 7). Чем ближе от площади Пушкина к Охотному ряду, тем шире и раздольнее людское море. Молодежь поет песни, танцует.

...Ленинские горы. Новое здание Московского государственного университета сияет в ночной мгле, как сказочный хрустальный дворец (фото 8). В праздничные дни десятки тысяч москвичей приезжали сюда любоваться чудесным творением советских строителей.

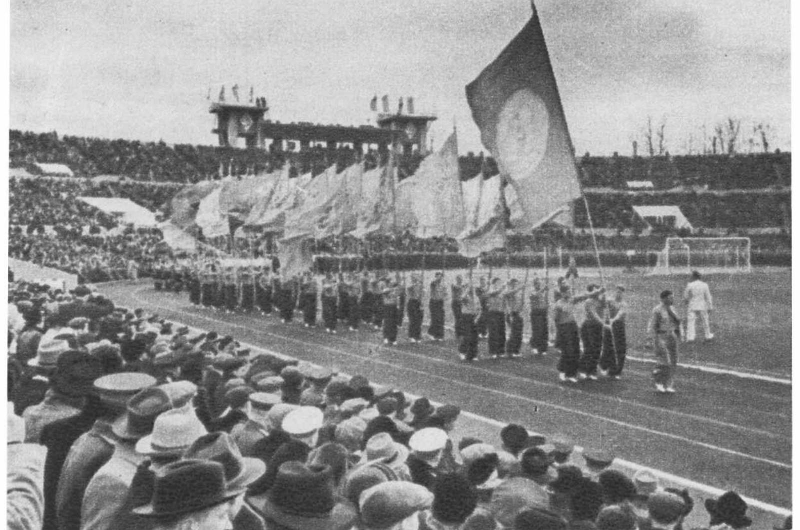
До поздней ночи гудела и бурлила столица. До поздней ночи гремели оркестры в залах клубов и дворцов культуры. Ночной молодежный бал во Дворце культуры Автозавода имени Сталина привлек тысячи юношей и девушек (фото 9). Безудержное веселье царило в его огромных залах. Молодежь слушала концерты, пела, отдыхала в уютных холлах и зимнем саду.

Радостно провели Первомай жители столицы. На народных гуляньях, в великолепных дворцах культуры, театрах, парках провели советские люди великий праздник весны и труда, мира и дружбы народов.

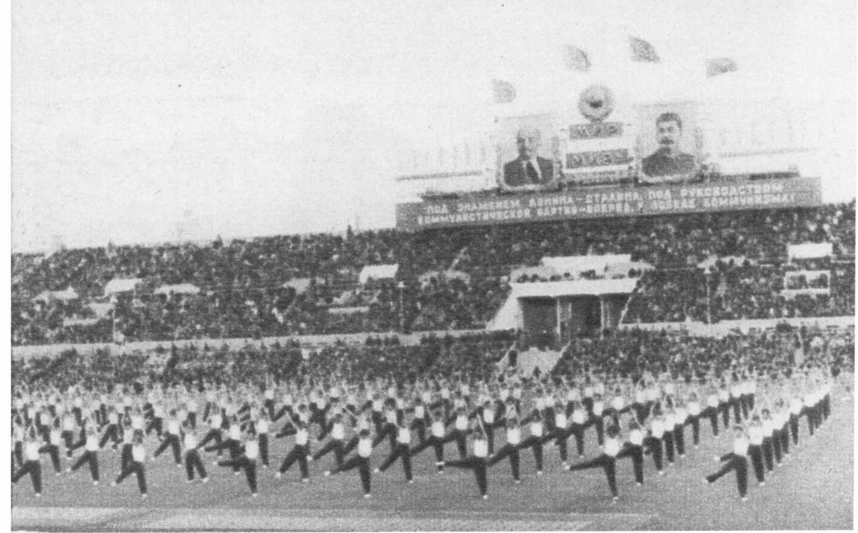
Я. МИЛЕЦКИЙ,
О. ШМЕЛЕВ

Фото А. Бочинина, Б. Вдовенко, И. Романова, Е. Умнова, С. Фридлянда.

Парад физкультурников на стадионе «Динамо».

Выступление студентов Центрального института физкультуры имени Сталина на московском стадионе «Динамо» 1 мая 1953 года.

Фото В. Гребнева и А. Бочинина.

НАСТУПИЛО СПОРТИВНОЕ ЛЕТО

В первые майские дни в Москве открылся летний спортивный сезон. Легкоатлеты, теннисисты, футболисты, гимнасты вышли на дорожки, площадки, на свежий, по-весеннему зеленый ковер футбольного поля и даже на асфальт Садового кольца, где, по традиции, разыгрывалась эстафета на приз газеты «Вечерняя Москва».

Но притягательным центром, как и всегда, был столичный стадион «Динамо». В этом году он как-то по-особому наряден, чист, красив. К тому же спортивный праздник нынешнего года открылся необычайно — выступлением гимнастов. Это хорошее начинание с радостью было встречено зрителями, которые щедро и по заслугам награждали аплодисментами мастеров гимнастики.

Н. Серый, Д. Огородова, группа спортсменов общества «Трудовые резервы» и, наконец, студенты Центрального института физкультуры порадовали зрителей не только четкостью исполнения вольных упражнений, которые они проделывали на зеленом поле стадиона, но и красотой, ловкостью, стремительностью работы на спортивных снарядах.

Жаль, что подобные выступления на стадионе «Динамо» являются исключением, а не правилом. Они, несомненно, увеличили бы число любителей этого замечательного вида спорта.

1, 2 и 3 мая на этом же стадионе «Динамо» москвичи увидели футбольные игры на первенство Советского Союза, которое, как известно, началось в середине прошлого месяца на юге. Результаты первых встреч говорят о примерном равенстве сил. Подавляющее большинство игр закончилось ничейным счетом или победой с перевесом в один спасительный гол.

Нападающие почти всех команд в решительный момент перед воротами теряют способность бегать и бить по мячу. Их охватывает какой-то испуг, который влечет за собой «футбольную слепоту», когда игрок не видит ни ворот, ни мяча, ни своего партнера. Этим особенно отличались футболисты «Спартака» и «Торпедо», которым предоставлена была честь открыть сезон в Москве. Ни та, ни другая команда не поняла своего положения: играли вяло, без азарта, без видимого желания победить. И хотя «Спартак» имел территориальное преимущество и часто гостил на штрафной площадке своих соперников, его нападающие, пораженные «футбольной слепотой», были смешны и недаром вызывали на трибунах ропот, а иногда и свист. Достаточно сказать, что семнадцать угловых ударов, произведенных спартаковцами, не только не послужили началом для гола, но даже не стали исходным моментом для создания более или менее опасной ситуации. В большинстве случаев мяч с угла летел не к воротам, а... к центру. При таком халатном отношении к игре успеха ждать нельзя было. Его и не было. Бесцветное состязание закончилось вничью (1:1), и разочарованные зрители с досадой покинули стадион.

Прямой противоположностью оказалась встреча футболистов Московского военного округа (МВО) с динамовцами Киева. Это была увлекательная, острая борьба двух равных соперников, которые показали достаточно дружную игру, хорошие технические приемы и, что всего приятнее, неугасимое желание добиться победы.

Все состязание прошло в высоком темпе. Только внимательный глаз мог заметить некоторое превосходство киевлян. Оно, на мой взгляд, определялось качественным равенством всех линий команды и их взаимосвязью, в то время как у армейцев при сравнительно надежной защите явно не сыграно нападение. Окончательный его состав, видимо, еще не найден.

Кроме того у киевлян центр нападения А. Зазроев расчетливо распределял мячи, выводил вперед то В. Богдановича, то П. Виньковатова и вообще умело руководил атаками. Такого лидера у армейцев пока нет.

Игра закончилась победой киевского «Динамо» со счетом 1 : 0.

Хорошее впечатление оставили московские динамовцы (и особенно их нападающие) в игре с «Локомотивом». Они атаковали железнодорожников широким фронтом, увлекали их защиту на края поля и тем давали возможность своим партнерам более свободно маневрировать в центре.

В результате А. Тенягин, а затем дважды К. Бесков (с красивой подачи В. Трофимова и с одиннадцатиметрового удара) провели в ворота «Локомотива» три мяча, на которые лишь под конец состязания железнодорожники ответили одним.

В эти же дни тбилисцы одержали победу над харьковскими железнодорожниками (2 : 0), «Зенит» выиграл у своих земляков — динамовцев (1 : 0), а «Крылья Советов», верные своим правилам сводить игру к ничьей, закончили встречу с вильнюсским «Спартаком» с нулевым итогом.

Таков старт футбольного чемпионата. Еще рано судить о том, какая из команд лучше, а какая хуже подготовилась к сезону, но пока на первом месте идут киевские динамовцы. Они провели три состязания, в каждом из них забили по одному мячу и получили по два очка. Теперь у них шесть очков из шести возможных.

Кто их догонит?

М. МЕРЖАНОВ

По Садовому кольцу

Старт эстафеты на площади Маяковского.

Как всегда, старт эстафеты на приз газеты «Вечерняя Москва» давался на площади Маяковского.

Представители 24 команд, каждый с палочкой в руке, устремились по направлению к Самотечной площади.

Вся дистанция, разделенная на тридцать неодинаковых по протяженности этапов,— свыше 15 километров.

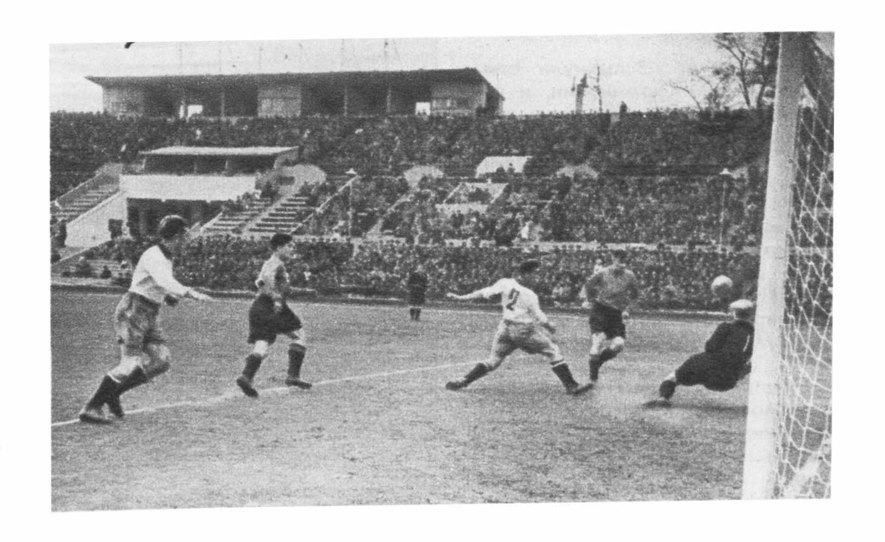
Сначала бег вели спартаковцы, потом, у Орликова переулка, на первое место переложилась команда Центрального Дома Советской Армии. И сколько ее ни пытались «достать» команды других спортивных обществ, ничего не вышло. Этап за этапом увеличивался просвет между лидером и ближайшим его соперником — командой «Динамо».

Двенадцать раз подряд переходящий приз завоевывали динамовцы. Можно сказать, москвичи уже привыкли к тому, что серебряный ларец обязательно уносят спортсмены в белых с голубой полосой майках.

Однако в тринадцатый раз взять приз динамовцам не удалось. Они финишировали на 16 секунд позже лидера.

Время команды ЦДСА — 36 минут 38,8 секунды. Это лучший результат за всю историю эстафет.

Неудачно сложилось дело для команды спортивного общества «Наука». Ее представитель на последнем этапе был третьим, имея метрах в десяти позади себя спортсмена «Искры». В нескольких метрах от финиша он упал, и представитель «Искры», обогнав его, вывел свою команду на третье место.

Момент футбольного состязания между командами МВО и «Динамо» (Киев). У ворот динамовцев.

В социалистическом соревновании участвуют десятки тысяч токарей, фрезеровщиков, сталеваров, литейщиков, инструментальщиков Ленинграда. Почетное звание «Лучший инструментальщик Ленинграда» завоевал стахановец завода «Красногвардеец» В. И. Кравченко.

Фото С. Осипова.

Памятник А. С. Пушкину в городе Пушкине, Ленинградской области. Фото К. Владимирова.

ПОДНЯТЫЕ ИЗ РУИН

...Смоленск и Вязьма, Ростов и Новороссийск, Псков и Севастополь, Воронеж и Новгород, Великие Луки и Калинин, Орел и Брянск, Краснодар, Курск и Мурманск...

Пятнадцать старинных русских городов, где каждый камень — страница истории нашей Родины! Никогда еще за всю их большую жизнь не переживали они столько тяжких бед, как в суровые годы Великой Отечественной войны. Одни были дотла разрушены варварами, в других едва уцелело лишь несколько домов. Незабываема картина опустошения, представшая перед воином-победителем в час его вступления на улицы освобожденных сел и городов. Солдат шел дальше, на запад, а где-то там, позади, уже слышался стук топора и звон пилы строителя. Солдат еще воевал, а в газете рядом с очередным сообщением Совинформбюро публиковалось историческое постановление правительства «О неотложных мерах по восстановлению хозяйства в районах, освобожденных от немецкой оккупации».

Солдат только-только вернулся со славной победой домой, как вся страна с радостью узнала о решении правительства восстановить в первую очередь пятнадцать упомянутых нами русских городов, столь дорогих сердцу и грузина, и украинца, и белоруса, и таджика, сердцу каждого советского человека. Сотни миллионов рублей были ассигнованы на то, чтобы быстрее поднять из руин и пепла эти древние памятники нашей истории.

Сказочно быстро поднимались промышленные предприятия. Возрождались разрушенные, строились новые жилые дома, здания школ, больниц, клубов, театров, столовых.

О разительных переменах в облике трех из пятнадцати старинных русских городов, о том, как с помощью партии и правительства отстроились они после войны, рассказывают корреспонденты «Огонька».

Город будет еще краше

Один из древнейших русских городов, ровесник Новгорода, Киева, Пскова, поднимается из руин в новом обличье, молодой и светлый. За свою более чем тысячелетнюю историю десятки раз подвергался Смоленск нападениям иноземных захватчиков, неоднократно сгорал дотла, страдал от моровой язвы и голода, а дважды — даже от землетрясений. Но такого разрушения, какому подвергли его гитлеровцы во время Великой Отечественной войны, город не знал никогда.

...Едкий дым пожарищ. Рваные очертания чудом уцелевших стен. Закопченные столбы выстоявших печных труб и стеклянное крошево на тротуарах. И тишина — тишина вымершего города...

Таким был Смоленск без малого десять лет назад. Люди, пришедшие сюда, чтобы поднять его, вдохнуть в него жизнь, прежде всего занялись невеселыми подсчетами. Оказалось, что более или менее сохранилась лишь одна двадцатая всего количества зданий. Предприятия разрушены до основания; парки либо вырублены либо сильно пострадали от артиллерийского обстрела; в здании городского драматического театра гитлеровцы устроили конюшню.

Сразу после освобождения города со всех концов Советского Союза стали стекаться из эвакуации смоляне.

Можно было впасть в отчаяние при виде руин, но люди знали, что им помогут партия и правительство, поможет вся страна.

Последняя бомба упала на Смоленск в июне 1944 года, а в сентябре того же года уже был пущен восстановленный льнокомбинат — мощное текстильное предприятие, оснащенное сейчас по последнему слову советской техники.

В Смоленске восстановлены и вновь построены сотни зданий, промышленные предприятия и городская электростанция. Пущен трамвай, открыты автобусные линии. В четырех вузах и шести техникумах занимаются студенты. Дети получили двенадцать новых школ, и эти школы лучше довоенных. В Красном бору устроен пионерский лагерь: красивое белое здание стоит посреди большой поляны недалеко от Днепра. Восстановлено семь десятых довоенной жилой площади. На месте разрушенного вокзала выстроен новый. И, может быть, у зарубежных гостей, любующихся этим прекрасным зданием из окон вагона, невольно напрашивается сравнение. Может быть, вспоминают они разрушенные города Западной Европы, развалины домов, заштопанные кричащими транспарантами американской рекламы...

Наступила еще одна послевоенная весна. Смоленск встречает ее веселым звоном новых трамваев, свежей зеленью молодых деревьев, запахом новостроек на левом берегу Днепра и в Заднепровье.

О. МИХАЙЛОВ

Страницы альбома

Раскрываем хранящийся в горсовете фотоальбом с золотой надписью на крышке: «Город Калинин». На первой странице снимок: груда разбитого кирпича, чуть припорошенного снегом. Из обломков выступает покосившаяся стена с пустыми глазницами окон. И рядом с этим снимком другой: на месте груды развалин возвышается здание областного драматического театра с высокими колоннами и скульптурами.

Подписи под снимками короткие. Под левым — «1942 год», под правым — «1952 год». Здесь не нужно слов. Это фотографии войны и мира.

Прошло одиннадцать лет, и в Калинине уже не найдешь никаких следов нашествия фашистских орд.

Старожилы не забыли январь 1942 года. Рабочие калининского завода имени 1 Мая, вернувшись в освобожденный город, разбирали кирпичные завалы, образовавшиеся на территории цехов. Неожиданно на заводском дворе появилась небольшая группа людей. Старый мастер пристально всматривался в приближающихся.

— Братцы! Никак Михаил Иванович к нам приехал!

Михаил Иванович Калинин подошел к рабочим. Волнующей была эта встреча. Калининские производственники обещали дорогому человеку, имя которого носит их город, быстро восстановить все, что разрушил враг. Уже через две недели цех дал первую продукцию.

В те дни лепщик М. К. Кузьмин, отдавший пятьдесят лет украшению родного города, привел в мастерскую двух сыновей и дочь и сказал им: «Начнем свою работу сначала». Руками семьи Кузьминых вскоре была воскрешена лепка древнего Путевого дворца, украшены потолки театра, речного вокзала, клуба.

Так работали каменщики, слесари, штукатуры.

И вот уже полностью восстановлено знаменитое казаковское «троелучие» — три расходящиеся под углом центральные улицы. Широкая набережная Волги опять украсилась старинными особня-

На месте разрушенного встал новый вокзал в Смоленске.
Фото Б. Вдовенко.

Строительство новых жилых домов для рабочих Смоленского льнокомбината на улице Бакунина.

Калинин. Новые дома на Советской площади.
Фото Н. Чамова (ТАСС).

ками, на каждом из которых по праву висит доска: «Памятник архитектуры XVIII века. Охраняется государством». Тонким кружевом повис над рекой мост.

Не все отстроенные дома сохранили свой прежний облик. Многие из них стали выше, просторнее, красивее. Вместо конструктивистских, безликих коробок созданы светлые, ласкающие глаз строения, прекрасные ансамбли. Город вырос вверх примерно на два этажа. Разросся он и вширь.

На восстановление и развитие Калинина с 1942 по 1953 год государством отпущены огромные средства: около 1 340 миллионов рублей. Калининцы получили почти полмиллиона квадратных метров жилой площади. Кстати сказать, в 1908 году купеческая городская дума выделила на благоустройство Твери всего... 15 рублей!

Восстановлены калининские текстильные фабрики, вагоностроительный и механический заводы. Выросли новые крупнейшие предприятия: экскаваторный завод, комбинат «Калининшелк». Сооружается огромный комбинат многокрасочной печати.

Фашисты дотла сожгли богатую областную библиотеку. Ныне библиотечный фонд насчитывает уже более 200 тысяч книг. Скоро книги «переедут» во вновь строящиеся для них здания.

...Когда в теплый весенний вечер выходишь на улицу, то с трудом представляешь, что не так давно здесь были груды развалин. И только памятники героям-освободителям на центральной площади напоминают о минувшей войне.

И. КОБЗЕВ

Облик нового Ростова

14 февраля 1943 года танки Советской Армии, форсировав скованный льдом Дон, ворвались в Ростов. Головную машину вел инженер-капитан Леонтьев. Прильнув к смотровой щели, он искал знакомую дорогу к главной улице. Ему, ростовчанину, поручили провести танки как можно быстрее к центру города: здесь они должны были соединиться с наступающей пехотой. Но Леонтьев не узнавал родных мест...

Так встретил Ростов одного из своих строителей, архитектора Владимира Васильевича Леонтьева. Всю меру чудовищных разрушений он оценил только тогда, когда провел наконец танки на улицу Энгельса. Главная магистраль Ростова, протянувшаяся на шесть километров от вокзала до площади Карла Маркса, не имела почти ни одного целого здания: ее обрамляли пустыри и почерневшие от копоти выгоревшие коробки. Не нашел архитектор Леонтьев и дома, построенного на улице Энгельса по его проекту: Ростов был взорван, растоптан, превращен в прах гитлеровскими оккупантами...

В апреле 1953 года Владимир Васильевич Леонтьев провел нас по улице Энгельса, сплошь застроенной многоэтажными домами: среди них высится несколько прекрасных многоэтажных зданий, созданных и по его проектам.

Более шестидесяти ростовских зодчих заняты восстановлением родного города, и через 10 лет после освобождения Ростов не только полностью возрожден, но стал неизмеримо прекрасней, чем до войны. Большинство домов центральной части фактически выстроено заново. Вместо купеческих безвкусных зданий в два — три этажа на главных магистралях — улице Энгельса, Буденновском и Ворошиловском проспектах — высятся теперь пяти—шестиэтажные здания, составляющие единый архитектурный ансамбль.

За шесть последних лет возведено 397 новых жилых многоквартирных домов с площадью более 200 тысяч квадратных метров. Построены административные здания полезной площадью около 100 тысяч квадратных метров. Восстановлено 30 школ...

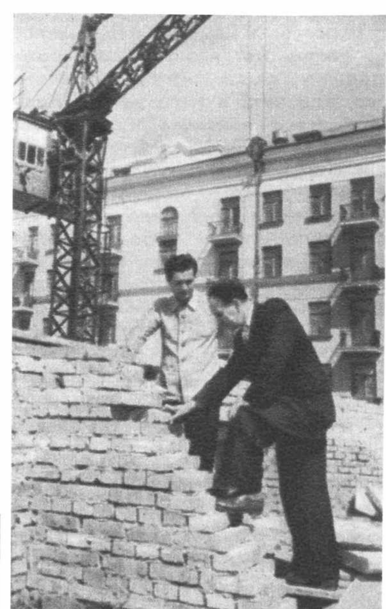
Язык цифр выразителен, но вместе с тем сух. Все значение цифр можно ощутить, побывав у главного архитектора города Яна Андреевича Ребайна. В его кабинете видишь шесть проектов новых архитектурных ансамблей на улице Энгельса. За исключением одного — клуба промысловой кооперации — проекты уже воплощены в жизнь или близки к воплощению.

Для того, чтобы представить себе облик нового Ростова, достаточно побывать на его набережной. Старый Ростов купцов Парамоновых и Пустовойтовых был отрезан от Дона, хоть и именовался Ростовом-на-Дону. Хозяева города превратили берег в закрома и свалку, а дома стояли спиной к прекрасной реке. По призыву партийных и советских организаций ростовчане благоустроили берег Дона. Там, где были лабазы и склады, протянулась широкая асфальтированная набережная, обсаженная деревьями, покрытая цветниками. Она тянется на два километра и удлиняется с каждым годом. Верхняя терраса набережной будет застроена многоэтажными домами, обращенными фасадами к полноводному Дону, на берегу которого растет порт пяти морей.

Теперь, с открытием Волго-Донского канала, у ростовских причалов встречаются пароходы, пришедшие из Москвы, Одессы, Сталинграда... Как раз в этом месте десять лет тому назад через замерзший Дон прорвались в разрушенный Ростов первые танки Советской Армии, вернувшей к жизни прекрасный южный город.

В. ВИКТОРОВ

Архитектор В. В. Леонтьев (справа) и начальник участка Я. А. Барсуков на стройке Дома работников науки.

Набережная Дона с речным вокзалом.
Фото О. Кнорринга.

Павел Минеевич Константинов и Таги Кулиев.

БРАТСТВО

А. СТАРКОВ

I

Таги Кулиев, девятнадцатилетний колхозник из азербайджанского селения Шураабад, ехал в город Никополь, что за Днепром...

Он ехал не один. Их было семьдесят пять, его одногодков, его сверстников — недавних виноградарей, чабанов, хлопководов, рыбаков, которым предстояло теперь стать металлургами. В степи, в сорока километрах от Баку, почти на самом берегу Каспийского моря, строился трубопрокатный завод. И пока возводились его корпуса вблизи станции Сумгаит, эти юноши должны были научиться мастерству у украинских прокатчиков. Все они впервые покидали Азербайджан. Край, куда их посылали, был знаком им только по книгам да по рассказам побывавших там людей.

Веселый, разговорчивый Таги с каждым днем пути становился все молчаливей и все чаще подходил к окну, вглядываясь в проплывавшие мимо поля, деревни, шахтерские поселки. По этой земле шел в военные годы его отец, солдат стрелкового полка. По этой земле катились тяжелые пушки, которыми командовал старший брат.

Брата звали Наги. Судя по тому, что он за два года из пулеметчика стал командиром гаубичной батареи, это был храбрый и умелый воин. Но в коротких, скупых, как донесения, письмах, которые приходили от него домой, он ничего не рассказывал о себе. Даже о ранениях Наги семья узнала уже после его гибели. Об этом написали боевые друзья лейтенанта. Они написали, что первый раз его ранило в голову под Харьковом. Второй раз — в ногу, на переправе через Днепр. Убит он был в районе марганцевых рудников, неподалеку от Никополя. Там он и похоронен.

Никополь! Где-то близко, совсем близко от твоих стен сражался Наги. В свой смертный час он видел, наверно, трубы твоих заводов. Каков ты, Никополь? Как ты встретишь Таги? Как встретишь посланцев Азербайджана?

...На перроне играл оркестр, девушки протягивали цветы. Но Таги, погруженный в думу о брате, не слышал музыки и не замечал цветов. Он даже не разглядел как следует того высокого светловолосого юношу, который взял у него около вагона чемодан и проводил до автобуса. Когда машина тронулась, Таги подумал, что человек хотел, конечно, познакомиться с ним, а он, Таги, не только не назвал себя, но и не поблагодарил за любезность, выказав таким образом необщительность и невежливость... Мысль об этом огорчила Таги и отразилась, должно быть, на его лице, потому что сидевший рядом Мухтар Гахраманов сказал:

— Ты еще в поезде был печальный, а сейчас совсем помрачнел. Что с тобой?

В общежитии, пока они мылись под душем, завтракали, устраивались в комнатах, грустное настроение Таги понемногу развеялось. Да он просто и не имел права долго грустить: в Баку, перед отъездом, его выбрали комсоргом группы, а это к чему-то обязывает...

Вечером шумной ватагой явились молодые грузины. Они приехали на Украину еще год назад и собирались скоро возвращаться домой, в Рустави, на металлургический завод. Законно считая себя никопольскими старожилами, они взяли на себя миссию познакомить только что приехавших с городом. Решили начать с парка культуры и отдыха: день был воскресный, и там предстояло большое гуляние. Нечего и говорить, что в этот вечер бакинцы были в парке в центре внимания, и им пришлось изрядно потрудиться на танцевальной площадке.

На душе у Таги было хорошо, если не считать маленького угрызения совести по поводу утреннего случая. Вот бы встретить этого человека, извиниться, завязать дружбу! Но где его найдешь? И захочет ли он теперь узнать Таги, который обошелся с ним так невежливо?

Они встретились быстрее, чем Таги мог этого ожидать, — на другой же день, в понедельник, когда будущие прокатчики шли по трубному цеху за инженером, который рассказывал им о производстве. Признаться, они почти не слышали его слов, тонувших в шуме, в металлическом лязге. Но смотреть-то уж им ничто не мешало. Не понимая еще в деталях, что тут происходит, они любовались открывшимся перед ними зрелищем. Они видели, как короткие, толстые стальные бруски катились по рельсам от стана к стану и, попадая в крепкие объятия валков, постепенно превращались в длинные тонкие трубы.

Подошли к одному из станов.

— Тут работает наш лучший вальцовщик Василий Кривденко, — сказал инженер, руководивший экскурсией.

Он произнес это громко, а поняли его только те, кто был рядом с ним. Таги, стоявший чуть позади, не разобрал из-за шума, что сказал инженер. Но человек, к которому относились эти слова, хотя и находился дальше всех от говорившего, услышал его и обернулся. А обернувшись, встретился глазами с Таги, улыбнулся и кивнул головой.

Это был он, вчерашний знакомый. Сегодня он казался старше — оттого ли, что был в рабочей одежде, или потому, что по его лицу перебегали блики от раскаленных докрасна стальных гильз и оно то светлело, то темнело...

«Узнал... Не сердится. Значит, будем дружить...» — подумал Таги, словно ему уже было известно, что с завтрашнего дня он станет учеником Василия Кривденко.

Итак, Таги — подручный вальцовщика на автоматстане.

Прежде чем добраться до этого стана, круглый брусок, которому предназначено быть трубой, немало уже натерпелся. Его «поджарили» в печи так, что он из серого стал краснее кумача, ему намяли бока на прошивном стане. Он вытянулся, похудел. Его «прошили» во всю длину, и он превратился в полую гильзу.

По наклонной решетке из рельсов по желобу летит пунцовая гильза к автоматстану, не ведая, не гадая, что́ ее там ждет. Не раз, а дважды прогонят ее между валками, которые сформируют, доведут до определенной толщины стенки трубы. И хотя ей предстоит еще помытариться, главное проделано вот тут, на прошивном и «автомате». Именно здесь рождается труба.

Вальцовщик автоматстана работает в пол-

Новый город Сумгаит.

ной согласованности с вальцовщиком прошивного. И уж совершенно синхронно с оператором, который управляет станом. Вальцовщик должен быть очень ловким и быстрым в движениях человеком: у него мало времени и много дел.

Таги, знакомясь с Кривденко, чуточку схитрил. Сказал, что был в колхозе виноградарем, рыбачил. А вот что частенько ремонтировал сельскохозяйственный инвентарь и водил трактор, об этом умолчал. И про то, что с полгода работал на строительстве завода — сначала котельщиком, потом помощником крановщика,— тоже не сказал.

Таги хотелось, чтобы Кривденко отнесся к нему, как к новичку, впервые увидевшему машину, обучать которого нужно обстоятельно, начиная с самых азов. И Василий, разгадав эту маленькую хитрость, оценив стремления Таги, щедро делился с ним знаниями, ничего не утаивая из своего опыта.

Прошло пять месяцев, и Кривденко обратился к бригадиру стана Черткову:

— Федор Федорович, я про Кулиева... Вальцовщик! Прошу в напарники.

Чертков, спокойный, невозмутимый, как и полагается быть человеку, двадцать лет проведшему у прокатных станов, сказал:

— Давно вижу, что вальцовщик...

Помолчал, добавил шутливо:

— Думал, зажимаешь, ходу не даешь...

Еще помолчал.

— Выдвижение поддерживаю. И вот что скажу... Хоть ты у меня и быстрорукий, а поторапливайся. Не то перегонит...

И вот Василий Кривденко и Таги Кулиев — на равных, напарники. Они соревнуются. Между собой и с бригадой прошивного стана. Там — Павел Прозоров и Сосо Кутелия. Большинство грузин уже вернулось домой. А Сосо позже других прибыл в Никополь. Теперь он, обучившись у Прозорова, тоже собирается в Рустави.

Таги дружит с Сосо. У Таги много друзей. Но самый большой — Василий.

Как-то Таги пришел в дом Кривденко. Ему нужна была книга Емельяненко о прокатных станах. На письменном столе он увидел фотографию: Василий в военной форме, лейтенант. Погоны артиллерийские.

— Ты служил в артиллерии?

— Служил, Таги.

— Ты воевал?

— Воевал.

— Где ты воевал?

— На Кавказе, на Украине. Дошел до Днепра. Никополь освобождал...

О, как забилось сердце Таги! Может быть...

— Мой брат тоже сражался под Никополем. Ты не знал моего брата? Его звали Наги... Наги Кулиев. Лейтенант. Командир батареи...

Нет, Кривденко не слышал про Наги. Но что же из того? Они воевали где-то совсем близко друг от друга. Вместе освобождали Кавказ, вместе освобождали Никополь. Они были братьями по оружию.

II

Баба́ Ахмедов, студент первого курса Азербайджанского политехнического института, ехал в Москву. И тоже не один. С ним были Идрис Алиев, Агасалим Зейналов, Низами Исмаилов и еще несколько человек — его товарищи, его однокурсники. Они учились на разных факультетах: кто собирался стать механиком, кто строителем, кто технологом-нефтяником. Но вот оказалось, что республике в скором будущем понадобятся инженеры-прокатчики для строящегося в Сумгаите завода. Где их подготовить? Москва пришла на помощь, Москва сказала: присылайте, выучим... Баба́ и его друзья были переведены с их согласия в московский Институт стали.

Они приехали в середине учебного года.

Это обстоятельство, а также то, что некоторые из них плохо знали русский язык, должно было, казалось, усложнить им занятия.

Но этого не случилось.

Юноши не знали, что у директора состоялось специальное совещание по поводу их приезда. И буквально с первого же дня учебы для бакинцев начали устраивать дополнительные лекции, консультации. Профессора, доценты приезжали в общежитие, чтобы заниматься с ними.

Что же касается русского языка, то тут каждый из них приобрел терпеливейшего опекуна. У Баба́ это был Олег Травин, его сосед по комнате в общежитии. Позже Баба́ вспоминал, что доставил, наверно, другу немало огорчений своим плохим выговором, своими ошибками в диктантах, которые они писали каждый вечер. Но не меньше было у Олега и радостных минут, когда он видел, что его старания не пропадают зря: Баба́ все лучше и лучше читал и писал по-русски.

Вдвоем они декламировали стихи Пушкина, Некрасова, Маяковского, и это было прекрасной школой русского языка. Они бывали на литературных лекциях в Политехническом музее, на спектаклях Малого театра и МХАТа, на выступлениях мастеров художественного слова, и это тоже были занятия по русскому языку...

Ко второму курсу бакинцы ничем уже не отличались от прочих студентов. Разве только тем, что с первого дня знали, куда им будут выписаны путевки по окончании института: в Сумгаит.

Там, в Сумгаите, пока они учились, вовсю развернулась стройка, и этот маленький поселок превращался в большой промышленный город.

Туда, в Сумгаит, начали поступать уже части, или, как говорят техники, узлы трубопрокатной установки. Ее конструировали и собирали уралмашевцы. Печь кольцевая, станы переведены на подшипники качения, управление почти полностью автоматизировано... Юношам хотелось скорее уж все это увидеть, потрогать собственными руками.

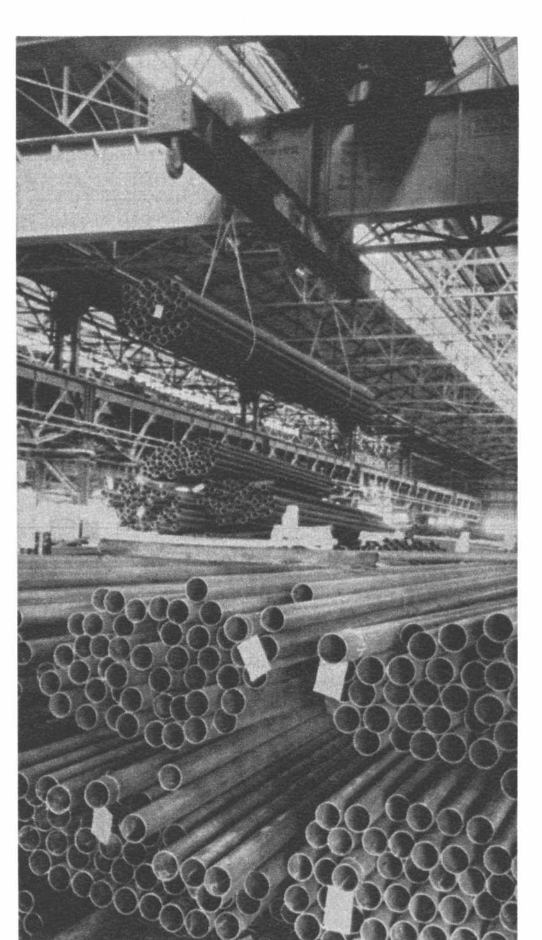
Преддипломную практику Баба́ Ахмедов и Агасалим Зейналов проходили в Никополе. Они как раз заканчивали ее, когда туда прибыли Таги и его товарищи.

Баба́ и Агасалим еще раз побывали в Никополе. Они поехали туда уже инженерами сумгаитского завода, который готовился к пуску. Поехали, чтобы изучить опыт украинских прокатчиков. И вот когда они беседовали в Никополе с директором тамошнего завода и попросили его назвать имена лучших стахановцев, он подумал-подумал и сказал:

— Ну что ж, посмотрите, как работают Василий Кривденко и Таги Кулиев... У них есть чему поучиться.

Баба́ и Агасалим, улыбнувшись, переглянулись: директор говорил о Таги, как о своем никопольце...

Бакинский трубопрокатный завод. Укладка готовых труб.

III

Павел Минеевич Константинов, сорокалетний мастер прокатного дела, ехал из Первоуральска в Сумгаит...

Не так уж много ездил он на своем веку: это было его третье дальнее путешествие.

Первое он совершил из Сибири на Урал в самом начале тридцатых годов, когда Ишимский райком комсомола направил его в Первоуральск на строительство новотрубного завода,— был разнорабочим, землекопом, бетонщиком.

Второе — с Урала в Ленинград. Завод готовился к пуску, и Павла Константинова вместе с двадцатью пятью комсомольцами послали учиться мастерству у старейших прокатчиков. На одном из заводов Павел работал подручным у старика-прокатчика, воспитавшего не одно поколение металлургов. Павел был однажды свидетелем разговора старика с ученым. Профессор обращался к нему на «вы», а тот — на «ты», и не оттого, что был невежлив. Нет, он разговаривал с профессором, а видел перед собой своего подручного, который когда-то подавал ему клещи.

То, чему научился Павел у этого человека, не могли заменить никакие книги. Это были «секреты» мастерства, из которых старик не делал никаких секретов.

...И когда заместитель министра, вызвав Павла Минеевича Константинова в Москву, предложил ему ехать в Сумгаит монтировать новую трубопрокатную установку, а затем и работать на ней начальником, мастер вспомнил своего учителя. Павел Минеевич подумал, что в Сумгаите есть, конечно, инженеры, есть книги, но нужен там и он, Константинов, нужен его опыт. Он будет учить молодежь, как учил его когда-то старый прокатчик да и как сам он все эти годы обучал юнцов, приходивших к нему из ремесленного.

Вернувшись из Москвы, он как раз и застал группу ремесленников, поджидавших его. Они приехали из Выксунского училища, что в Горьковской области. Там после выпуска им было объявлено, что они зачисляются прокатчиками на Бакинский завод, а пока отправятся на стажировку к мастеру Константинову в Первоуральск.

Вот с этими ребятами и ехал Павел Минеевич осенью 1952 года в Азербайджан. Вместе с ними и с теми, кто возвратился из Никополя, он монтировал станы, готовил их к пуску.

...В канун нового года Бакинский завод дал стране первые стальные цельнокатанные трубы.

А скоро на завод приехала делегация из Рустави, с Закавказского металлургического завода имени Сталина. Они прибыли заключить с сумгаитцами договор на социалистическое соревнование. Среди делегатов был Сосо Кутелия.

Гостей вели по цеху начальник трубопрокатной установки Павел Минеевич Константинов и начальник смены Баба́ Ахмедов. Подошли к автоматстану. На его площадке стоял высокий юноша с усиками. Он следил за приближавшейся к валкам гильзой.

— Вот это и есть Таги Кулиев, — сказал Константинов.

Народ собрался тут бывалый, привычный к шуму проката, и все расслышали слова Павла Минеевича. Услышал их и Таги. Он обернулся и увидел Сосо, сразу узнал его и кивнул головой. А когда делегаты двинулись дальше, он крикнул:

— Сосо, приходи сегодня в гости... Есть письмо из Никополя.

* * *

Братство...

Украинский город Никополь принимает на полтора года юношей-азербайджанцев, чтобы подготовить из них прокатчиков для строящегося в Сумгаите завода. Будущие инженеры этого завода учатся в Москве, а практику проходят в Туле, в Магнитогорске, в Макеевке, в Нижнем Тагиле... Построенные в Свердловске уникальные трубопрокатные установки отправлены в Грузию и Азербайджан... Уральский мастер Константинов едет в Сумгаит — жить, работать там, воспитывать молодежь. И вместе с ним ремесленники из Выксы... Вступают в дружеское соревнование грузинские и азербайджанские металлурги.

Святое, нерушимое братство!

Панорама советского павильона на выставке в Пловдиве (Болгария).

Советский Союз на международных ярмарках-выставках

М. В. НЕСТЕРОВ,
председатель Всесоюзной Торговой палаты

Тридцать лет тому назад, в 1923 году, Советский Союз впервые принял участие в международной ярмарке.

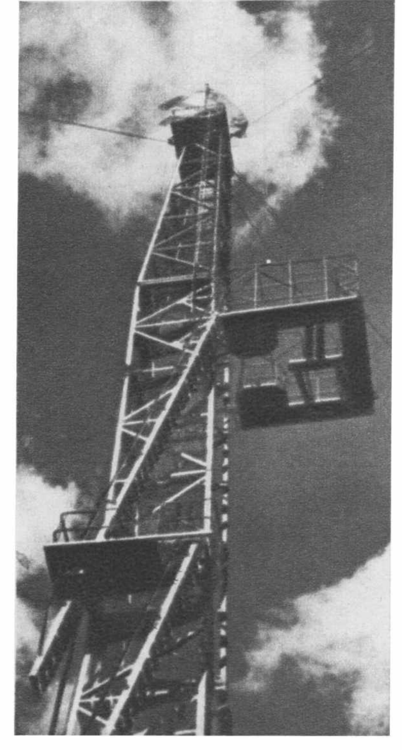
Это была Лионская ярмарка во Франции. Наша страна показала тогда свои кустарные изделия, меха, сырьевые товары.

В последующие годы, особенно в период сталинских пятилеток, мы участвуем уже ежегодно в международных ярмарках-выставках в различных странах (в Австрии, Болгарии, Венгрии, Германии, Италии, Турции, Франции, США). До Великой Отечественной

Выставка в Пловдиве. Товарищ Вылко Червенков осматривает экспонаты советского сельскохозяйственного машиностроения.

Общий вид советского павильона на выставке в Вене (Австрия). →

Нефтяная вышка на открытой площадке советского павильона на международной ярмарке в Познани (Польша).

войны СССР сорок три раза выступал на международных ярмарках, и неизменно советские павильоны пользовались самым широким и живым вниманием. Многие советские товары были отмечены наградами за свое высокое качество.

С ростом индустриализации нашей страны изменялся характер наших выставок. Если раньше Советский Союз был представлен на них главным образом как страна сельскохозяйственная, с большими и разнообразными сырьевыми ресурсами, то в дальнейшем, особенно после второй мировой войны, наша Родина выступает на международных выставках как высокоразвитая, могучая индустриальная держава. Начиная с 1946 года около тридцати раз Советская страна демонстрировала за рубежом гигантский размах своего мирного хозяйственного и культурного строительства, достижения социалистической промышленности и сельского хозяйства. Десятки миллионов людей в различных странах посетили советские выставочные павильоны. Многочисленные записи посетителей, восторженные отзывы о советских экспонатах — свидетельство неизменного успеха наших выставок.

Только за прошлый 1952 год Советский Союз принял участие в выставках в Бомбее (Индия), Лейпциге (Германия), Вене (Австрия) и Пловдиве (Болгария). На этих выставках широко были показаны образцы изделий основных отраслей советской социалистической промышленности. Среди многочисленных экспонатов были высокопроизводительные металлорежущие станки, горнорудное, нефтяное, энергосиловое оборудование, оборудование для легкой промышленности, дорожностроительные машины, автомобили, тракторы и сельскохозяйственные машины, оптические и электроизмерительные приборы, аппаратура для кино и радио, медицинское оборудование и инструменты. Богато было представлено также советское промышленное сырье — всевозможные руды, нефтяные продукты, а также изделия легкой и пищевой промышленности.

Советские выставки 1952 года посетило свыше 4 миллионов человек. На выставке в Лейпциге группа посетителей писала: «В своем новом павильоне Советский Союз показывает обширную и многообразную выставку образцов. Эта импозантная выставка свидетельствует о бурном развитии промышленности и сельского хозяйства первого в мире социалистического государства, а также демонстрирует успехи советского народа в деле построения коммунизма».

«Мы желаем, чтобы и наша родина с помощью Советского Союза имела такие же успехи»,— добавляет другой посетитель.

Советский павильон на выставке в Лейпциге в 1952 году занимал 18 тысяч квадратных метров выставочной площади, в то время как 30 лет назад в Лионе наша выставка разместилась на скромной площади около 300 квадратных метров.

В Индии Советский Союз впервые участвовал в международной выставке в прошлом году. Советский павильон имел огромный успех. Индийцы без различия каст и положений шли в советский павильон, они были восхищены тем, что показал Советский Союз, восхищены мощью его передовой техники, счастливой жизнью великой страны социализма.

«У нас открылись глаза,— говорили посетители павильона, — мы жили, как дети, в мире какого-то фантастического вымысла. Мы увидели такое, что никогда не могли себе представить. Наше чувство восхищения перед советской культурой соединилось с чувством негодования по адресу тех, кто столько времени закрывал от нас правду. Но теперь мы увидели эту правду, и нас больше не обманешь».

Большие очереди индийцев стояли за получением красочного проспекта о павильоне Советского Союза. Многие посетители, получив проспект, прикладывали его к сердцу, к голове и целовали изображенные на обложке герб Советского Союза и портрет товарища Сталина.

Наши советские выставки отражают мирную политику нашей Родины. Эта политика была сформулирована товарищем Г. М. Маленковым в его докладе на XIX съезде Коммунистической партии Советского Союза следующим образом:

«Советская политика мира и безопасности народов исходит из того, что мирное сосуществование капитализма и коммунизма и сотрудничество вполне возможны при наличии обоюдного желания сотрудничать, при готовности исполнять взятые на себя обязательства, при соблюдении принципа равноправия и невмешательства во внутренние дела других государств.

Советский Союз всегда стоял и ныне выступает за развитие торговли и сотрудничества с другими странами, невзирая на различие социальных систем. Партия будет проводить эту политику и впредь на основе взаимной выгоды».

Павильон СССР на выставке сельскохозяйственных машин в Париже.

В советском павильоне на международной выставке в Праге.

Милан, 1950 год. Советские машины привлекают массу посетителей международной ярмарки.

Экскаватор Ковровского экскаваторного завода на международной ярмарке в Лейпциге (1950 год).

ИТАЛИЯ, как она есть сегодня

Рабочие-патриоты заняли большой сталелитейный завод в Небьоло ди Риволи, который предполагалось закрыть согласно плану Шумана, и продолжают там работу. Полиция осаждает здание завода.

Из блокнота писателя

Джиованни ДЖЕРМАНЕТТО

Месячник газеты «Унита» стал в Италии традицией. Это ежегодный праздник не только коммунистов, но праздник всенародный. Участвуют в нем и жители больших промышленных городов, и обитатели провинциальных городков, деревень, поселков, хуторов. Музыка, пение, танцы, пикники на лугах — обычное явление в эти дни.

Месячник сбора средств для коммунистической печати проходит обычно в сентябре. Но на самом деле этот «месяц» длится много больше календарного: в нем иногда оказывается пятнадцать, шестнадцать и более воскресных дней. Он начинается в августе и заканчивается на юге Италии в ноябре. Собранные за это время денежные взносы для наших газет достигают нескольких сотен миллионов лир.

В прошлом году мне пришлось выступать на одном из таких праздников коммунистической печати в городке в тридцати пяти километрах от Рима. Городок этот — центр довольно большого сельскохозяйственного района. Приехав туда, я узнал, что там объявлено... осадное положение. Множество полицейских патрулей и карабинеров, вооруженных автоматами, лихорадочно рыскали по городку. Товарищи рассказали мне, что все местные партийные работники арестованы по распоряжению комиссара полиции, специально прибывшего из Рима.

Я не замедлил нанести визит начальнику местной полиции. Это был молодой человек, совершенно потерявший в панике голову.

— Вы прибыли из Рима? — спросил он, нервно закуривая.— Разве вам не известно, что здесь происходит?

— А именно?

— Да ведь крестьяне заняли все земли, и... готовятся беспорядки! Это нам известно из достоверных источников.

— Отлично! — ответил я.— Молодцы крестьяне, что заняли пустующие земли! Значит, они их будут обрабатывать, и в будущем году у нас будет больше хлеба. Что же касается беспорядков, поверьте, синьор комиссар, никто не собирается их устраивать.

— Вы, верно, не знаете здешних крестьян!.. — воскликнул полицейский.— А впрочем, что вам угодно от меня?

— Я хочу, чтобы вы пришли в себя. И потом освободили арестованных, позволили бы снова украсить город знаменами, лозунгами и портретами,— короче, дали населению возможность спокойно организовать свой праздник. Советую вам также убрать вооруженных полицейских. Пусть они лучше поиграют в карты в казарме...

Мой спокойный тон произвел впечатление. Вероятно, полицейский комиссар подумал, что не время и не место чрезмерно упрямиться.

— Ну, а если что-нибудь случится?

— Уверяю вас, все будет в порядке. А вот если вы нам сорвете праздник, тогда-то и возможен скандал... Вы приказали убрать с площади, где происходит праздник, национальный флаг. Знаете ли вы, чем это пахнет?

Комиссар помолчал, а затем раздраженно спросил:

— А почему на площади вывешен портрет Сталина?

— Вам должно быть известно, что итальянцы чтут Сталина, как великого друга народа. И это — их полное право...

Я посмотрел через окно на площадь. Она была заполнена народом. Комиссар поглядел туда же и стал еще сговорчивее. Спустя несколько минут он распорядился освободить арестованных. Знамена снова заколыхались на ветру. Были водружены на свои места портреты Ленина, Сталина, Грамши, Тольятти. Полицейские отряды исчезли, и праздник закончился без происшествий.

Почему столько шума подняла полиция Шельбы по поводу народного праздника? Да потому, что многочисленные лозунги, вывешенные на площади, прославляли мир! А в нашей стране с некоторых пор слово «мир» стало крамольным.

Один австрийский товарищ жаловался мне, что Австрия разделена на несколько оккупационных зон. Увы, в Италии только одна «зона», но от этого итальянцам не легче. Правда, американцы, превратившие Италию в такую «зону», избегают показываться на улицах в военной форме: они знают, что народ их ненавидит, и, пожалуй, сильнее, чем ненавидел гитлеровцев. Однажды наш премьер де Гаспери посоветовал безработным итальянцам, которых очень много... изучать иностранные языки и эмигрировать из Италии! До настоящего момента итальянцы научились

Внутри занятого рабочими завода в Небьоло. Комиссия, избранная из женщин-работниц, следит за чистотой помещения, где рабочие располагаются на ночлег.

писать по-английски только одну фразу: «Американцы, отправляйтесь домой!» Ее можно увидеть на стенах в любом итальянском городе. Почему итальянцы облюбовали именно эту фразу, совершенно ясно. До эры американской «помощи» в Италии было полтора миллиона безработных, а теперь их два миллиона триста тысяч. И трудно утаить от народа, что ежедневно закрываются все новые фабрики и заводы. Кроме того пребывание американских опекунов в Италии связано с тем, что сыновей итальянского народа хотят сделать пушечным мясом.

Теперь правительственным большинством итальянского парламента принят новый мошеннический избирательный закон. Это типичная афера в американском стиле. Закон придуман с таким расчетом, что для правительственных партий достаточно будет только тридцати пяти тысяч голосов, чтобы в парламент прошел один их депутат, в то время как для выбора депутата от коммунистов, социалистов и независимых понадобятся шестьдесят пять тысяч голосов.

Закон этот созрел в лоне организации «Католическое действие», то есть в Ватикане. И он вызвал гигантскую волну протеста, не имевшую равных в истории народных движений Италии, если не считать бури негодования и гнева против преступников, покушавшихся на жизнь Пальмиро Тольятти. Всенародный протест против гнусного закона поднял новые слои населения, которые до этого времени оставались в стороне от политической жизни страны.

Итальянцы поняли, что в американо-ватиканской афере с избирательным законом дело идет не только о нескольких десятках мест в парламенте — ставка значительно крупнее. Избранный на основе мошеннического закона парламент должен развязать руки всем приспешникам американских монополий, торгующим национальным достоянием Италии, укрепить реакционные силы Ватикана, крупных землевладельцев, придать видимость «законности» безумной политике милитаризации и снижению и без того нищенского жизненного уровня итальянского народа.

* * *

Печать Ватикана изо дня в день клевещет на движение сторонников мира. «Пропаганда Москвы» — так пытаются изобразить величайшее общественное движение современности римские церковники. Любопытно, однако, что даже Ватикан был вынужден весьма осторожно отобрать преданных ему людей и направить на национальные конгрессы мира в разные страны, когда готовился конгресс в Вене. Ватикан явно рассчитывал использовать трибуну Венского конгресса для подрыва единодушия народов, решительно защищающих дело мира. Пий XII не может не чувствовать, что католическая церковь теряет свой авторитет среди католиков Европы, Латинской Америки, в колониальных странах. Против своей воли Ватикан вынужден считаться с многочисленными ассоциациями священников, которые в разных странах под давлением масс верующих выступают за мир.

Несмотря на «миролюбивые» жесты, римская церковь не в состоянии скрыть от народа своей теснейшей связи с американскими монополиями и итальянскими дельцами. Ватикан является не только держателем акций крупных промышленных предприятий Италии и ряда других стран; в итальянской печати недавно появилось сообщение, что Ватикан ведет переговоры о приобретении... целого торгового флота. Как сильно шагнула вперед церковь — от скромной лодки апостола Петра до многотонных американских «Либерти»!

Что касается самого Рима, центра католического мира, то его жителям хорошо известно, что три четверти всего жилого фонда столицы Италии принадлежит акционерному обществу, контролируемому Ватиканом. В Риме, где десятки тысяч семейств не имеют жилья, где многие живут в бараках или землянках, большое число квартир пустует из-за неслыханно высоких цен на жилье, взимаемых святыми отцами. И вовсе не случайно в Риме, невзирая на все угрозы ада и отлучения от церкви, несмотря на посулы и подкуп, массы избирателей все охотнее голосуют за левые партии...

Всенародная солидарность. Торговец овощами отпускает товар в кредит рабочему завода Терни, отцу двух детей, участнику всеобщей забастовки.

Фото из журнала «Вие нуове».

* * *

Экономическое положение трудящихся Италии становится все более тяжелым с каждым месяцем. 24—25 тысяч лир в месяц — таков средний заработок рабочего. Что это значит? Для обычной семьи (двое взрослых и двое детей) прожиточный минимум, по официальной статистике, составляет 50 тысяч лир. Этой суммы, как прекрасно известно любой домохозяйке Рима, Турина или Генуи, хватает только на квартирную плату (если есть квартира), на скромное питание и уплату налогов. Ни о чем другом рабочая семья не могла бы думать, если даже она получала бы этот прожиточный минимум. В действительности семьи рабочих не получают и половины.

Поистине печальна судьба мелких торговцев, ремесленников, владельцев небольших предприятий. В среднем каждый месяц разоряются пятьсот — шестьсот мелких фирм (в довоенное время эта цифра не превышала двадцати — тридцати). Не менее тяжело положение крестьян, мелких землевладельцев, отягощенных налогами, вынужденных продавать землю. Большинство рабочих в сельском хозяйстве занято не больше ста—ста двадцати дней в году. В остальное время они переживают все муки безработицы. Безработные получают пособие по триста лир в день в течение трех месяцев. После этого выплаты прекращаются, даже если безработный продолжает ходить без дела. Подавляющее большинство пенсионеров из трудящихся получает пять—семь тысяч лир в месяц. Надо ли объяснять, что этого не хватает даже для нищенского существования! Культура... Около тридцати тысяч детей Рима не посещают школу из-за недостатка школьных помещений, а Рим в кругах христианско-демократической партии именуют «светочем культуры». А сколько таких детей в Италии, об этом говорит красноречивая цифра: сто тысяч школьных учителей не имеют работы!

* * *

В Италии не существует смертной казни, но полицейские Шельбы безнаказанно стреляют в рабочих и крестьян. Общество вспомоществования жертвам полицейского террора («Солидарита демократика») за два года уплатило адвокатам гонорар за ведение двадцати с лишним тысяч процессов итальянцев, незаконно арестованных и преданных суду за то, что они использовали свои права, записанные в конституции.

Борьба народа за эти права принимает в зависимости от местных условий самые разнообразные формы. Недавно всю Италию охватила всеобщая забастовка протеста против гнусного избирательного закона. То и дело стачки рабочих, батраков охватывают отдельные провинции. Вспыхивают местные забастовки в отдельных городах. Бывает и так, что на заводе один цех бастует, другой работает,— так сказать, в «шахматном порядке». Бывают «всхлипывающие» забастовки: работа прекращается на полчаса, возобновляется на полчаса, потом снова прекращается. Широкое распространение приобрели забастовки «наизнанку»: рабочие, ломая саботаж властей, выполняют по собственной инициативе общественно полезные работы: строят дороги, небольшие мосты и т. д.,— показывая лишний раз, что подлинный хозяин Италии — народ. Нередко рабочие занимают фабрики, которые владельцы желают закрыть под давлением американских «экономических советников». Заняв предприятие, рабочие продолжают работу. В этом они находят поддержку не только левых партий и профсоюзов, но и крестьян, мелких торговцев, ремесленников. Крестьяне несколько месяцев снабжали мукой и другими продуктами рабочих, занявших завод «Реджанэ», выпускающий сельскохозяйственные машины. Так было и во время забастовок горняков Ка-Бернарди, в области Марке, и в серных рудниках Сицилии, где шахтеры несколько недель оставались под землей, чтобы помешать владельцам закрыть шахты...

Укрепляется взаимопомощь рабочих и крестьян в общей борьбе. С фабрик и заводов приходит помощь деньгами, сельскохозяйственным инвентарем, когда крестьяне занимают необрабатываемые земли. Возникают в промышленных городах и забастовки солидарности с борющимися за землю крестьянами.

Печать христианских демократов и Ватикана вопит о нарушении божеских и человеческих законов, когда крестьяне Юга берутся за обработку пустующих земель. Но крестьяне лишь осуществляют свое право, не только фактическое, но и формальное. По закону, принятому парламентом после длительной борьбы депутатов — коммунистов и социалистов, — безземельным крестьянам должны были предоставить два миллиона гектаров необрабатываемой земли; до сегодняшнего дня было роздано... менее ста пятидесяти тысяч гектаров!

Власти, предупреждаемые владельцами, узнают о занятии земель и немедленно направляют туда летучие отряды полиции, чтобы арестовать крестьян «на месте преступления». Но усердие полицейских сплошь и рядом не приносит результата.

В районе, о котором я упоминал в начале этих заметок, крестьяне придумали способ продолжать обработку земли, несмотря на полицейские налеты. Делается это так. Крестьяне пашут землю, скажем, на склоне какого-нибудь холма. Молодежь стоит на страже. Завидев грузовики с полицейскими, она дает сигнал, и крестьяне перепрявляются на другую сторону холма. Выждав, когда жандармы уедут, они продолжают поднимать целину.

Итальянские крестьяне показывают огромное мужество в своей справедливой борьбе за землю. Эта борьба — пример национальной сознательности, которой давно не знает крупная итальянская буржуазия...

* * *

Ватикан и монополисты усиленно ведут сейчас с помощью американских «советников» подготовку к выборам. «Приемы» и «аргументы» остаются, видимо, прежние: источают яд клеветы на страны демократического лагеря, кричат об «опасности советского нашествия», всемерно стараясь запугать избирателей и заодно прикрыть позорный провал политики правительства. Уже начинают раздавать «подарки» в виде... нескольких носовых платков, килограмма макарон. И, чтобы напугать верующих, распространяются самые невероятные, фантастические измышления. Несмотря на все это, реакции, несомненно, предстоит и на нынешних выборах испытать немалые разочарования!..

Итальянский народ продолжает неустанно бороться. Уверенный в справедливости пути, указанного бессмертным Сталиным, народ Италии идет по этому пути к победе под руководством Пальмиро Тольятти. Это путь мира, свободы, независимости!

Перевод с итальянского.

И. И. Левитан. МАРТ.
Государственная Третьяковская галерея.

НЕИНТЕРЕСНЫЙ ЧЕЛОВЕК

Рассказ

Павел ШЕБУНИН

Рисунки П. Пинкисевича.

Редакционный день только начинался. Несмотря на приоткрытую форточку, в комнате держался горьковатый запах табачного дыма, которым пропитались стены. За большим дубовым столом сидел заместитель заведующего отделом и раскладывал перед собой аккуратными стопками корреспонденции, полученные с утренней почтой, заметки литературных сотрудников и письма читателей. За небольшим столиком, стоявшим в ряду таких же других, правил заметку Юрий Щеточкин, молодой журналист, пришедший в редакцию всего две недели назад.

До начала рабочего дня оставалось около получаса. Но Щеточкину не сиделось дома, ему хотелось поскорей окунуться в редакционную атмосферу, послушать воспоминания старых журналистов о необычайных газетных происшествиях, которыми те любили делиться в буфете за стаканом чая. Вспоминая свою давно ушедшую молодость, они иногда заканчивали рассказы словами:

— Обязательно попрошусь у редактора в командировку, засиделся я в аппарате. Надо проветриться!

Они расходились по своим отделам, а Щеточкин смотрел вслед им с завистью. Пока что ему приходилось править только мелкий материал, да и то заместитель заведующего отделом Михаил Максимович вносил в каждую заметку свои поправки и говорил небрежно:

— Ну, теперь, пожалуй, можно отдать перепечатать.

Щеточкин внимательно перечитывал поправки, старался понять, почему именно они были необходимы, но это ему не всегда удавалось. Спрашивать Михаила Максимовича он не решался: уж очень хмурым и суровым казался заместитель заведующего.

Вошел очеркист Волков. Ему было за сорок. Зачесанные назад редкие волосы не могли скрыть лысину, но Волков молодился: на нем был светлый костюм, яркий галстук, щеки казались бархатистыми от пудры, положенной парикмахером после бритья.

— Приветствую! — сказал он, обращаясь сразу к Михаилу Максимовичу и Щеточкину.

— Как у тебя, Алеша, с очерком? — спросил Михаил Максимович.

— К вечеру сдам, — ответил Волков равнодушно, вытянул под небольшим столом длинные ноги, так что в проходе показались коричневые полуботинки на очень толстой подошве. Открыл портфель, вынул исписанные листы, полистал их, подумал и ушел в буфет пить чай.

В отдел вошла молоденькая дежурная секретарша Катя.

— Михаил Максимович, вас редактор вызывает, — сказала она, поглядывая на Щеточкина и поправляя прическу.

Щеточкин весь ушел в правку заметки: Катя ему нравилась, и он боялся это показать.

Михаил Максимович стал собирать гранки. Катя постояла еще с минутку, но, не дождавшись взгляда Щеточкина, ушла.

От редактора Михаил Максимович вернулся очень быстро и сказал Щеточкину таким тоном, словно того ждала немедленная и суровая расправа:

— Идите к редактору!

Щеточкин оторвался от заметки, недоумевая, зачем он понадобился самому редактору. Даже заведующий отделом редко вызывал его. Взглянул на Михаила Максимовича, но тот уже снова углубился в работу, словно желая показать, что ему нет никакого дела до судьбы начинающего журналиста.

— К редактору можно? — спросил Щеточкин у Кати, войдя в приемную.

— К редактору? — переспросила она певуче, бросив на Щеточкина ласковый взгляд. — Можно. Ключ в двери.

— У него никого нет?

— Никого, — так же певуче ответила Катя. — Только Петр Николаевич сегодня сердитый. С вашим Михаилом Максимовичем что-то громко разговаривал.

Щеточкин принял независимый вид, повернул маленький ключ в замке и вошел в редакторский кабинет. Петр Николаевич сидел за огромным письменным столом, на котором лежали комплекты газет, папки с материалами, оттиски газетных полос, испещренные красным карандашом гранки. Вид у редактора действительно был суровый. Толстые стекла закрывали глаза. Под дужками очков расходились крупные морщины.

— Садитесь, товарищ Щеточкин, — сказал редактор, вглядываясь в молодого литсотрудника. — Нужно написать очерк.

Кто из молодых журналистов не мечтает о том дне, когда его вызовет сам редактор и даст настоящее большое задание! И вот этот день наступил в жизни Щеточкина.

— Слушаю, — с трудом проговорил он, жалея, что Катя не присутствует при разговоре.

— Мы посоветовались с Михаилом Максимовичем и решили, что вы справитесь. — Петр Николаевич умолчал о том, что Михаил Максимович говорил как раз обратное и советовал поручить очерк Волкову. — Вот была у нас заметка о ткачихе Финохиной. Сама хорошо работает и молодежь учит. Ездила в страны народной демократии. Депутат районного совета. Созвонитесь, узнайте, когда можно с ней встретиться. Напишите хороший очерк, колонки на три.

Из кабинета редактора Щеточкин вышел с сияющим лицом. Бросив быстрый взгляд, Катя сразу поняла, что Петр Николаевич его не ругал. Щеточкину очень хотелось рассказать ей, что ему поручено написать очерк, но тут же он подумал, что это будет бахвальством.

Вернувшись в отдел, он стал созваниваться по телефону с фабрикой. Потом пытался править заметки, но забывал о них и сидел с повисшим в воздухе пером. Обедать он не пошел, лишь наскоро перекусил в буфете, хотя в его распоряжении еще оставалось два часа.

Наконец Щеточкин решил, что можно отправляться. Положил в карман блокнот, несколько карандашей на случай, если откажет автоматическая ручка, запер ящики стола и

И. И. Шишкин. СОСНЫ, ОСВЕЩЕННЫЕ СОЛНЦЕМ.
Государственная Третьяковская галерея.

сказал, стараясь принять сосредоточенный вид:

— Михаил Максимович, я поехал на фабрику.

— Хорошо, — равнодушно отозвался заместитель заведующего.

Троллейбус остановился на большой площади. Вниз, к фабрике, уходил широкий бульвар. Недавно посаженные деревца, покрытые зелеными листочками, показались Щеточкину сказочно-красивыми; он подумал, не начать ли очерк с описания этих деревьев. Как-то он слышал от Волкова, что тот заранее намечает сюжеты своих очерков, а потом уже подбирает нужный материал. Но пока Щеточкин не знал, о чем он будет писать.

Он миновал большие корпуса фабрики, разыскал нужную улицу. Вдоль нее стояли многоэтажные, без всяких архитектурных украшений дома, какие строились в конце двадцатых и начале тридцатых годов. Адрес он помнил наизусть, но, дойдя до дома, на всякий случай вынул блокнот и еще раз проверил номер. Поднялся на четвертый этаж, позвонил. Дверь открыл мужчина лет тридцати пяти, без пиджака, в клетчатой рубашке.

— Товарища Финохину можно видеть? — спросил Щеточкин и торопливо добавил: — Я из редакции.

— Проходите. — Мужчина обернулся в сторону полуоткрытой двери и крикнул: — Клава, к тебе! — Оставив Щеточкина одного, он ушел в другую комнату.

Из двери вышла молодая женщина. Волосы ее были уложены в замысловатую прическу. Немного вздернутый нос не портил ее лица, а, наоборот, придавал ему миловидность. Гладко сшитое черное платье подчеркивало стройность фигуры.

— Клавдия Финохина, — сказала она, протягивая руку.

— Я из редакции, — повторил Щеточкин и только потом вспомнил, что забыл назвать свою фамилию.

— Мне говорили в парткоме, — спокойно ответила женщина. — Заходите.

Щеточкин ожидал увидеть старую женщину: ведь редактор говорил, что она хорошо учит молодежь. По дороге он обдумывал, как нарисовать в очерке портрет старой ткачихи.

Клавдия села к столу, пододвинув стул для Щеточкина.

— На фабрику я пришла шестнадцатилетней девчонкой, — начала она, не ожидая вопросов, и сразу можно было понять, что уже много раз приходилось ей рассказывать о себе. — Окончила до этого семь классов, тут же, в нашем районе. И мать моя и отец тоже на этой фабрике работали. Так что я потомственная ткачиха. — Она улыбнулась. Рассказ ее тек ровно. Она говорила и о неудачах, и о своих наставницах — старых ткачихах, — и о первой попытке перейти на шесть станков вместо четырех, и о подругах, тоже ставших знатными ткачихами. Щеточкин едва успевал записывать.

Так же подробно рассказала она о своей общественной работе, о поездке в страны народной демократии. Подошла к письменному столику, стоявшему в углу у окна, достала пачку писем с разноцветными марками, положила их перед Щеточкиным:

— Посмотрите, может быть, используете. Это письма моих зарубежных друзей.

Щеточкин уже исписал больше половины блокнота, когда Финохина глянула на ручные золотые часы и сказала извиняющимся тоном:

— Я сегодня иду в театр. Хватит вам материала для очерка?

— Да, спасибо, — ответил Щеточкин; ему казалось, что он открыл неоценимый клад. Какой замечательный материал в его блокноте! — Спасибо! Вы так хорошо о себе рассказали!

Она улыбнулась в ответ, протянула руку и проводила до двери. Когда Щеточкин надевал в передней пальто, туда вышел мужчина, который открывал ему дверь. У него были усталые и очень грустные глаза. Увидев Щеточкина, он поспешно ушел в комнату.

По дороге в редакцию Щеточкин обдумывал начало очерка, тут же отвергая один вариант за другим. Начать с описания внешности героини? Или с ее пребывания в одной из стран народной демократии? Или с ее прихода в цех шестнадцатилетним подростком? Или с чтения ею писем от зарубежных друзей?

Он стремительно вбежал в редакцию, сбросил пальто. В отделе сидел один только Волков; он дописывал очерк, перо быстро бежало по бумаге. Волков поднял голову и тут же молча углубился в работу. Рассказать об успехе было некому.

Щеточкин в раздумье прошелся по комнате, потом сел за свой стол, вынул блокнот, стал перечитывать записи. Он надеялся, что Волков все же заговорит с ним, расспросит, но тот весь ушел в писание.

Щеточкин отпер стол, достал пачку бумаги, положил перед собой. Подумал, написал заголовок «Ткачиха». Подчеркнул двумя чертами, радостно улыбнулся. Еще вчера он только правил заметки, а сегодня пишет очерк по заданию самого редактора. Снова стал перелистывать блокнот.

Вошла Катя и спросила Волкова шепотом, словно так она ему меньше мешала:

— Алеша, скоро вы кончите очерк? — В редакции все, даже молоденькая Катя, называли Волкова по имени, несмотря на его солидный возраст. — Петр Николаевич уже третий раз спрашивает, сдан ли он на машинку.

— Сейчас, сейчас, — забормотал Волков. — Подождите, Катюша, минутку. — Он дописал страницу, протянул ее Кате и сказал просительно: — Занесите по дороге на машинку. Я сейчас допишу. Два абзаца осталось, честное слово!

Катя ушла с шелестящей в руке страницей, а Волков снова начал торопливо писать.

«Начну с писем из стран народной демократии», — решил Щеточкин и стал переписывать особенно приглянувшееся ему письмо. Это не требовало обдумывания, он писал почти так же быстро, как Волков.

— Уже строчите? — спросил Волков, отрываясь от бумаги. — А у меня паршивая привычка: пока не подойдет срок сдачи, никак не могу за работу приняться. Все только обдумываю. А теперь рука онемела, честное слово!

Щеточкин переписал еще два письма и вдруг понял, что материала для очерка у него нет. Он ведь не был в цехе, не видел, как Финохина работает, не разговаривал с ее подругами, с молодыми ткачихами, которых она обучает, с начальником цеха, с руководителями общественных организаций. Надо ведь не интервью записать, а дать очерк.

Волков размашисто поставил свою подпись под последней строчкой, потянулся, закинув руки за голову. Потом оперся руками о край стола, встал и пошел в машинное бюро, читая на ходу написанное. Щеточкин посмотрел ему вслед с завистью: вот у Волкова сразу все получилось, а он даже не сумел продумать, какой материал надо собрать.

На следующий день Щеточкин поехал на фабрику. Финохина работала у своих станков. В сером халатике, в мягких тапочках, с волосами, убранными под косынку, она казалась теперь значительно проще. Клава охотно показывала журналисту свои приемы, объясняла, как она и ее подруги успевают обслуживать по двенадцать станков.

Потом Щеточкин побывал в фабричном и партийном комитетах. Он выслушал много хороших отзывов о работе Финохиной, о ее общественной деятельности. И только потом, выйдя с фабрики, он вспомнил, что секретарь партийного комитета, молодая еще женщина, с умным, волевым лицом, говорила о Финохиной как-то сдержанно. В редакции Щеточкин принялся перечитывать записи. Нет, секретарь партийного комитета не сказала ничего плохого. И все-таки у него осталось впечатление какой-то недоговоренности. Он вспомнил вопрос: «А почему редакция решила давать очерк именно о Клаве?»

Весь вечер просидел Щеточкин над своими записями. Уже не меньше десяти смятых листов лежало в корзине под столом: начало очерка никак не удавалось.

Михаил Максимович бросил на молодого журналиста взгляд, который казался Щеточкину ироническим. Но заместитель заведующего отделом вспомнил свою молодость, когда ему так же трудно давалась простая газетная заметка. Он сочувствовал Щеточки-

Солдат на празднике победы

Константин МУРЗИДИ

В шуме несмолкающей беседы,
За бутылкой доброго вина
Не забудь на празднике победы,
Что такое, собственно, война.
Не забудь, что это с нами было,
Не забудь, с тобою и со мной.
Девушка, что так меня любила,
Не успела стать моей женой.
Мальчик, живший по соседству с нами,—
Тот, что пионером стать хотел,—
Красного, похожего на знамя
Галстука ни разу не надел.
Ты, мечтавший на войне о доме,
И порога опознать не смог:
Дом разбит при орудийном громе,
Печь осталась да в золе замок.
...Скажут мне, что мы отгоревали,
Новые построили дома,
Новую любовь завоевали,
Вот она — счастливая! — сама.
И, смеясь, шагает рядом с нею
Мальчуган, похожий на меня,
И повязан у него на шее
Красный галстук с нынешнего дня.
Это так, и с этим я не спорю.
Отгремели грозные года,
Отпылали, но такому горю
Не дано забыться навсегда...
Если бы не страшное несчастье,
У парнишки был бы старший брат,
У народа был бы новый мастер,
Новый мастер стал бы с нами в ряд...

Если б не огонь войны проклятой,
Не ее неизгладимый след,
На Дону уральский экскаватор
Зашагал бы раньше на пять лет.
Раньше на пять лет бы мы прорыли
Волго-Дон — творенье на века,
А сейчас бы с радостью творили
То, о чем мечтаем мы пока.
Нужно было рыть в степях окопы,
Узкие траншеи на Дону,
А потом канал... Забыл легко бы,
Если б мог, минувшую войну.
Только я забыть ее не в силах,
Только мне забыть ее нельзя,
Потому что дымом засквозила
Новая, нам издали грозя,
Предвещая битвы и походы...
Но теперь войне трудней пройти:
Все, что мы воздвигли в эти годы,
Все ей встало поперек пути.
И канал, и новая плотина,
И дубок, дубок в донской степи —
Это все связалось воедино,
Навсегда. Попробуй, подступи!
Возмужала Родина, окрепла,
Песню мира мужество поет.
Только пусть, как уголь из-под пепла,
Память нам покоя не дает.
Пусть тревожат боевые были,
Труд и горе пережитых дней:
Те, что о минувшем не забыли,
Над грядущим трудятся сильней!

ну, который слишком рано, по мнению Михаила Максимовича, получил такое ответственное задание.

На другой день очерк тоже не ладился. Щеточкин мял один за другим листы бумаги, на которых едва было набросано несколько фраз.

— Страдаете, юноша? — Волков оперся руками о край его стола.

Щеточкин даже не обиделся: так сочувственно прозвучали эти слова.

— Не получается! — сказал он со вздохом. Волков подтащил стул, сел рядом.

— Ну-ка, покажите ваши записи. Посмотрим, чего у вас не хватает.

Он взял блокнот, а Щеточкин читал ему вслух написанные неразборчиво слова.

— Материала достаточно, — сказал Волков задумчиво. — Но это, так сказать, только факты. А какое у вас личное впечатление? Понравилась она вам? Хочется о ней писать или приходится только потому, что редактор приказал?

Щеточкин удивился. Ему хотелось написать очерк, но он не думал, хочется ли ему писать именно о Клаве Финохиной.

— Я ведь ее почти не знаю, — сказал он нерешительно. — Видел, как она работает. Рассказала она мне о своих делах. На фабрике все отзываются о ней хорошо. Ну, говорила, как впервые на фабрику пришла...

Волков сидел молча, потом произнес, повеселев:

— Нет, пока очерк у вас не получится! Вы с десятком людей на фабрике побеседуйте, а потом продумайте, чем отличается от них ваша Финохина. Как же так: не знаете человека, а вздумали о нем писать!

Беседовали они около часа, но Щеточкин так и не понял, каких деталей ему не хватает.

Несколько дней подряд ездил Щеточкин на фабрику. Уже все в цехе знали, что он пишет очерк. Редактор стенной газеты советовался с ним, как лучше сделать очередной номер. Секретарь комсомольской организации Вера называла его запросто Юрой, доверительно рассказывала о своих девчатах, даже об их сердечных увлечениях. А будущий очерк все же не вырисовывался.

Однажды, когда Щеточкин перепортил всю лежавшую перед ним бумагу и в отчаянии сжал виски, ему пришла мысль: а не поехать ли еще раз к Финохиной, чистосердечно рассказать ей, что очерк не получается? Спросить, что она считает в своей жизни главным. Он решил приехать без предупреждения, чтобы она не готовилась к этой беседе, не говорила, как по заранее написанным тезисам.

На следующий вечер он нажал звонок у знакомой двери. Открыл тот же мужчина, что и в первый раз. Щеточкину показалось, что этот человек с грустными глазами еще больше похудел.

— Клавдию Михайловну можно видеть? — спросил Щеточкин.

— Ее нет, — ответил мужчина, глядя в сторону.

— А скоро она вернется?

Мужчина отступил от двери, подбородок его дрогнул.

— Она переехала, — ответил он не сразу. — Ей дали квартиру в новом доме. — Он старался придать голосу официальный тон, но это плохо удавалось.

Щеточкин почувствовал необходимость объяснить, почему он снова пришел.

— Я пишу очерк о Клавдии Михайловне. Но никак не могу собрать нужный материал. И с ней беседовал и на фабрике. — Он помолчал и добавил: — Мне, знаете, впервые приходится писать очерк для большой газеты.

Мужчина молчал, все так же глядя в сторону.

— У вас есть адрес? — спросил Щеточкин, чтобы что-нибудь сказать.

— Заходите, — сказал мужчина и открыл дверь в ту комнату, где Щеточкина принимала знатная ткачиха.

С лампы исчез абажур, яркий свет неприятно резал глаза. На стенах выделялись темные четырехугольники в тех местах, где раньше висели фотографии.

— Она ничего не хотела брать, я ей сам все упаковал, — сказал мужчина извиняющимся тоном. Голос его снова дрогнул.

Щеточкину стало нестерпимо стыдно перед этим человеком. Почему ни в парткоме, ни в фабкоме ничего не сказали о семейной жизни Клавдии?

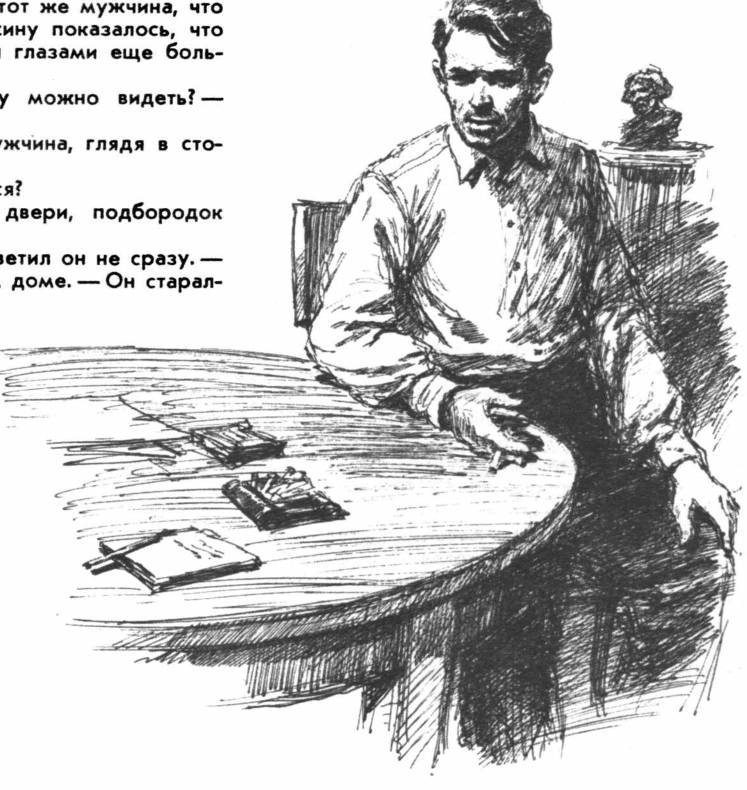
Они оба сели. Мужчина провел рукой по запавшим небритым щекам и сказал с грустной улыбкой:

— Я сам решил, что мне переезжать не надо. Стала Клаша знаменитой, другие интересы у нее появились. Прямо скажу: неинтересным человеком я для нее стал. А зачем мне быть близкому человеку в тягость? Думали мы сначала вместе переезжать. Да только вижу я: буду для нее вроде лишнего. Так, муж при жене. А мы около десяти лет прожили, и хорошо прожили. — Он уронил руку на стол. Казалось, он просто высказывает вслух наболевшие мысли, ища им подтверждения. Вынув из кармана примятую папиросу, он закурил. — Так вам адрес?

Щеточкин взял блокнот и карандаш, понимая, что теперь все равно не пойдет к Финохиной.

— Она вас разлюбила? — спросил он и сам испугался своего вопроса. — Простите, я не знаю вашего имени-отчества.

— Николай Ильич. Как вам сказать?.. Не то что разлюбила. Неинтересным человеком для нее стал,— повторил он, видно, полюбившееся ему выражение. — Она и за границу ездит, и в президиумах сидит, и на больших собраниях выступает. А я как был помощником мастера, так и остался. Ничего, кроме своего цеха, не

знаю. Придет вечером возбужденная, радостная, начнет рассказывать: и с тем известным человеком познакомилась и того видела. А что я ей могу рассказать? Про фабрику она и сама все знает. Вижу: другой ей нужен спутник в жизни, повыше меня. А тут квартиру ей как раз предоставили. Ну, все и решилось. Я-то про себя раньше решил, а ей в последний день сказал. Тут уж, знаете, чем меньше разговоров, тем лучше. Вижу: не то, что обрадовалась она, а как бы облегчение почувствовала. — Он закурил вторую папиросу. — Значит, правильно я решил! Если уж конец, то лучше скорей. Так вам адрес? Очерк вы про нее обязательно напишите. Лучшая ткачиха она у нас, во всех делах заводила. На днях, говорят, для кинохроники будут ее снимать. Так, записывайте. — Он стал диктовать адрес.

Щеточкин записал и вдруг подумал: а почему Клавдия с таким равнодушием отнеслась к судьбе близкого человека? И он почувствовал, что теряет интерес к личности Клавы и что не сможет сейчас написать очерк.

Когда он сказал об этом Николаю Ильичу, тот снова стал тереть небритую щеку, потом сказал:

— Что у нас с ней вышло, так это ведь нас касается. А написать про многое можно.

Он стал рассказывать, как Клаша пришла на фабрику, как она выглядела, как училась работать на станке. Щеточкину казалось, что он видит перед собой угловатую, несмелую девушку, ее светлые волосы, любопытные глаза, худые, неуверенные еще руки. И тут же подумал: как же любит Николай Ильич Клаву, если так запомнил каждое ее движение, выражение лица, каждый ее поступок!

Николай Ильич рассказывал о всех событиях месяц за месяцем, все больше увлекаясь; серые глаза его заблестели, на губах появилась улыбка. Его не смущало, что Щеточкин ничего не записывает, он сам жил в этих воспоминаниях. Точными и нежными словами рисовал он облик Клавы в тот день, когда она впервые решилась обслуживать шесть станков, ее разговоры с подругами. Память его хранила не только слова, но даже интонации голоса Клавы. И Щеточкину стало жаль не этого страдающего человека, у которого радость осталась только в воспоминаниях, а Клаву, не оценившую такую большую любовь.

Когда Щеточкин вышел на улицу, уже шли последние трамваи, направлявшиеся в парк. Он и не заметил, как просидел у Николая Ильича несколько часов.

На другой день, едва Щеточкин вошел в отдел, Михаил Максимович сразу задал ему вопрос:

— Собрали материал о своей героине? А то редактор уже два раза интересовался...

— Да, теперь я знаю о ней много. Только очерк у меня не получится.

Михаил Максимович долго смотрел на него, потом сказал, растягивая слова:

— Похвальная откровенность. Только, будьте добры, уж сами объясняйтесь с редактором.

— Он здесь? — спросил Щеточкин, чувствуя необыкновенный прилив храбрости.

— Здесь. — Михаил Максимович уткнулся в бумаги.

Катя, увидев Щеточкина, сказала ему тоном сообщницы:

— Вас редактор уже спрашивал. И Михаила Максимовича вызывал. Написали очерк?

— Нет, Катя. — На лице девушки он прочитал огорчение.

Редактор просматривал свежий номер газеты, он не сразу оторвался от этого занятия, только показал на кресло. Сделал несколько пометок карандашом, отложил номер, спросил, глядя через свои непроницаемые толстые стекла:

— Как у вас с очерком?

Щеточкин стал рассказывать про вчерашнее посещение. Он ждал, что редактор перебьет его и спросит, зачем он потерял зря столько дней. Не умеет написать очерка, так и не надо было браться! Но Петр Николаевич слушал, не перебивая. Когда Щеточкин окончил свой рассказ, редактор постучал карандашом по столу, поправил очки, спросил, пытливо глядя на молодого журналиста:

— Думаете, не надо давать очерка?

— Я не могу написать! — вырвалось у Щеточкина.

— Любит, говорите? — неожиданно спросил редактор.

— Очень любит. Хороший он человек. Мне кажется, очень много он сделал, чтобы Клава успеха добилась. Сам-то не говорит, но это чувствуется.

Редактор почесал тупым концом карандаша переносицу, потом стукнул им по стеклу и заключил:

— Не будем давать очерка! Подберем другую кандидатуру. Ладно, идите к себе в отдел.

Михаил Максимович сразу нагрузил Щеточкина толстой пачкой писем для правки. И незадачливый очеркист подумал, что теперь долго-долго сидеть ему над обработкой чужих корреспонденций. Ему казалось, что все в отделе посмеиваются над ним.

Под вечер торжествующая Катя положила перед Щеточкиным листок бумаги:

— Распишитесь, что прочитали приказ. Вот здесь. — Она показала розовым пальчиком, где надо расписаться.

Щеточкин с удивлением прочитал, что он назначается очеркистом при секретариате, с месячным испытательным сроком. Катины пальцы словно случайно скользнули по его руке.

— Поздравляю! — шепнула она и подмигнула в сторону Михаила Максимовича, как бы торжествуя победу над ним.

Она ушла, а Щеточкин сидел, с удивлением думая о том, как он стал очеркистом, так и не написав ни одного очерка.

Весенний смотр

М. СВЕТЛОВ

По республикам шествует май,
Мы встречаем его хлебом-солью:
— Ты весенний парад принимай,
Надышись нашим воздухом вволю!

Не измерить и не оценить
Все, что создано нашею властью,
Что за деньги нигде не купить,
Что зовется свободой и счастьем.

Мы кипучею жизнью живем,
Много сил и таланта в народе,
В капитальный ремонт отдаем
Все, что ладилось плохо в природе.

Взмах рабочий во всю ширину,
Расступаются реки и камень...
Знаем: сделать такую весну
Можно только своими руками!

ВЕРБОВКА

Рассказ

Мария МАЙЕРОВА

Рисунок О. Верейского.

Деревенская светлица, единственная в доме, если не считать чуланов, отделенная от хлева только узкими сенцами, заменяет своим обитателям приличную четырехкомнатную городскую квартиру. Один угол с плитой, печкой и котлом, где всегда есть горячая вода для всех хозяйственных нужд, — это кухня. По обе стороны окна стоят две высокие кровати с пышно взбитыми перинами в полосатых наволочках — одна для хозяина, другая для хозяйки — это спальня. Лавка в углу справа, прочный стол на трех ножках и несколько стульев — это столовая. На стене симметрично развешены в черных рамах репродукции картин Гвидо Рени, на которых изображены голова Иисуса Христа в терновом венце и голова богоматери, закатившей глаза с необыкновенно крупной слезой на ресницах. Над дверью вышитое «благословение». В углу, где стоит лавка, бросается в глаза многокрасочная литография с изображением солдата в полной парадной форме; под шапкой вклеено лицо деда, или отца, или сына, вырезанное из фотографии.

Именно такая светлица была в деревянном доме у крестьян Новаков, испокон века живших на небольшом хуторе Оборжище. Хутор, отделенный от деревни лесом, лет пятьдесят назад сгорел, из деревянных построек уцелел только один этот дом. Остальные погорельцы построили себе после пожара каменные домики. Однако хозяева этих домиков жаловались на холод, и, как только наступала осень, все жители хуторка сходились на посиделки к Новакам. Выкопав картофель и убрав свеклу, ботва которой уже была тронута первым снежком, соседи грели спины по вечерам у горячей печки.

Тетушка Новакова старалась до сумерек навести порядок в светлице, убрать от порога ведра и мотыги, о которые могли бы запнуться гости, подмести пол и надеть чистый фартук. Сидеть сложа руки она, впрочем, не умела и пухлыми пальцами лепила из заранее приготовленного черного теста с зернами кукурузы шарики для откорма гусей и ровными рядами раскладывала их на остывающей плите.

Сегодня она не могла убраться как следует, потому что хозяин с самого обеда отлеживался в перинах: со времен первой мировой войны его мучил ревматизм.

При родителях дома оставался один только двадцатилетний Вацлав, который не очень-то любил торчать в комнате. У него всегда находилось дело во дворе: то он чистил хлев, то подметал около дома, предпочитая пореже попадаться на глаза матери, чтобы та не придумала для него занятия, которое окажется ему не по душе.

Новакова привыкла, что сын что-то напевает или насвистывает под окном. Услыхав громкие голоса, она сперва подумала, что пришли гости. Начинало уже смеркаться, и круглоликая, в темных пятнах луна отбрасывала на подоконник первые отблески.

Но разговор во дворе продолжался, незнакомый мужской голос в чем-то горячо убеждал Вацлава.

Новакова с любопытством приоткрыла дверь и в испуге попятилась, внезапно очутившись лицом к лицу с высоким, по виду рассудительным человеком лет сорока. Мягкие черты лица, на котором то и дело мелькала улыбка, ежеминутно меняли выражение, бледноголубые глаза смотрели виновато.

Позади незнакомца шел взволнованный Вацлав. Мать хранила строгое молчание. Тишину вдруг нарушил парень:

— Мамаша, это мастер Свобода с «Чемоты», с большого завода в городе. Он хочет поговорить с вами!

— Здравствуйте, — сказала хозяйка, с лица которой все еще не сошло удивление.

Она отступила от двери и подвинула стул, для вида помахав над сиденьем фартуком.

— Только хозяина не разбудите, — добави-

ла она не очень любезно и, не дожидаясь, пока сядет посетитель, молча уселась спиной к открытой печке.

Свобода распахнул пальто и, держа в одной руке портфель, а в другой шляпу (никто не предложил положить ее), окинул взглядом помещение.

Хозяйка, низенькая, коренастая, была в том возрасте, когда женщин называют уже не полными, а просто толстыми.

Она сидела, как командир, с неприступным видом. Обвисшие щеки, мешки под глазами, вздернутый нос делали ее похожей на английскую королеву Викторию. Такую позу Новакова принимала всякий раз, когда соседи приходили к ней с просьбой. Мастер был ей незнаком, и она не могла представить себе, что чужой человек может переступить порог ее дома, не имея корыстных целей.

Свобода с первого же взгляда понял, с кем имеет дело. Мягкое лицо мастера беспрестанно озарялось легкой улыбкой, напоминающей солнечный зайчик. Блуждая взглядом по комнате, Свобода заметил человека, неподвижно лежащего на постели.

Старый Новак не обратил ни малейшего внимания на приход Свободы. С некоторых пор он предоставлял жене все деловые переговоры и не вмешивался в ее распоряжения. И сейчас он даже не поднял головы.

Вацлав Новак, желая объяснить, зачем пришел Свобода, уже хотел было заговорить, но в наступившей тишине хлопнула калитка, на каменном крыльце раздался топот тяжелых кованых сапог, и кто-то постучал. Хозяйка ответила: «Войдите!». В комнате появился крестьянин и смиренно пожелал:

— Мир честной компании!

Все ответили ему хором. Свободе показалось, что с постели донесся какой-то невнятный голос, сопровождаемый слабым движением руки.

Вацлав подсел к Свободе и зашептался с ним, полагая, что разговаривать с соседом — дело матери. Крестьянин продолжал молча стоять у порога, и лишь тогда, когда «королева Виктория» снизошла до вопроса: «С чем пожаловали?»,— посетитель нерешительно произнес:

— Дельце одно есть... У вас, тетушка, и картошка и свекла убраны... Так не одолжите ли мне на завтра лошадь: клин у леса перепахать надо...

Тетушка Новакова с достоинством помолчала, потом обратилась в сторону постели:

— Отец, как там у тебя с картошкой? Когда свеклу-то возить станешь?

На постели заворочалась седая голова с небольшой плешью, жилистая рука слегка поднялась в воздухе.

Крестьянка кивнула, точно получила какой-то ответ, и помедлила еще немного. Не будь здесь Свободы, старуха, очевидно, долго бы еще ломалась. Но сейчас она сказала с подчеркнутой неприязнью:

— Вот помогли бы со свеклой, у дороги она еще не вся у нас выкопана...

Сосед кашлянул. Повидимому, он ожидал гораздо бо́льших затруднений и ответил почти радостно:

— Как скажете, тетушка, так и сделаем. А за лошадкой, значит, приду завтра утром.

При этих словах он взялся за ручку двери и, пробормотав что-то на прощанье, поспешно вышел, точно боялся, что Новакова передумает.

Но крестьянка, забыв уже о соседе, смотрела в упор на мастера. Ей очень хотелось узнать, зачем явился незваный гость.

Вацлав стоял позади Свободы, опираясь о спинку стула, на котором тот сидел. Он нетерпеливо ждал, когда наконец уйдет сосед. Не успела захлопнуться дверь, как Вацлав начал:

— Мамаша, господин Свобода предлагает нам такую штуку, ну просто клад... не придумать лучше...

Сейчас Свобода уподоблялся командиру, выжидающему удобной минуты для атаки. Он уже пришел к заключению, что действовать и говорить ему придется весьма осторожно. Подняв руку, чтобы прервать Вацлава, он церемонно начал:

— Уважаемая пани Новакова, милостивый государь! Мы, городские рабочие, редко попадаем к вам в деревню, да и за продуктами, слава богу, сейчас не нужно сюда ходить. Но, тем не менее, мы знаем о вас, знаем ваши нужды. У середняка никогда не было избытка свободных денег, а купить одно, другое, третье все-таки надо, да и молодому хозяину хочется иной раз иметь лишние деньжонки в кармане, верно ведь? — покосился Свобода на Вацлава.

«Королева Виктория» внимательно слушала, все еще не понимая, куда клонит Свобода. Кто это такой? Агент сберкассы? Скупщик? Что ему надо? Ее обвисшие щеки хранили каменную неподвижность. Руки лежали на коленях: она бросила лепить шарики, считая, что сейчас не время этим заниматься.

— Полевые работы у вас уже подходят к концу. Зима у порога, дела будут только по дому, — продолжал гость.

Вступление показалось Вацлаву чересчур длинным. В отличие от стариков, которые любили затягивать всякий разговор, он решал дело сплеча:

— Короче говоря, мамаша, не наняться ли мне зимой на завод? Как вы на этот счет думаете?

У Свободы осталось впечатление, что парень произнес заклинание, — так внезапно все переменилось в комнате. Хозяйка с неожиданной прытью вскочила со стула и подняла руки, словно защищаясь. Хозяин, который до этой минуты не удостоил гостя даже взглядом, вынырнул из-под перины, опершись на локоть и посмотрел на Свободу испуганно и вместе с тем возмущенно. В лунном полусвете злобно сверкнули глаза обоих супругов.

Вацлав сразу присмирел и добавил виноватым тоном:

— Штука-то уж больно заманчивая, вы ведь зимой и без меня управитесь, не так это долго... да и заработал бы я кое-что,— добавил он просительным, почти безнадежным тоном.

Свобода продолжал молчать, хозяин издавал какие-то хриплые неодобрительные возгласы, а хозяйка между тем выговаривала сыну:

— Ты разве не видишь, что отец болен, а у меня голова трещит чуть не каждый день, просто разламывается... я еле на ногах держусь! Мы люди немолодые, не может хозяйство держаться только на нас! А ты... у тебя одно мотовство на уме... тебе и горя мало, что у матери беспрестанно голова болит. На заводе и без тебя обойдутся, а я тут одна не управлюсь.

Подвижное лицо Свободы перестало улыбаться. Сразу сделалось заметно даже в вечернем полумраке, что он собирается сказать что-то важное.

— Позвольте, тетушка, сейчас я вам все разъясню. Господин Новак-младший опередил меня, хотя я полагал, что мне самому надо все сказать.

— Вот всегда он так, с бухты-барахты! — проворчала хозяйка, удобно усаживаясь на лавку, настолько высокую, что короткие ноги в домашних туфлях не доставали пола.

— Меня всегда звали Свободой, как вам это уже известно, — продолжал мастер шутливо. — Я работаю на «Чемоте» — так мы называем наш завод мотоциклов, если вы этого не знаете. Я сознательно сказал «наш завод», потому что теперь у него новые хозяева. Доходы больше не поступают в карман его бывшего владельца господина Берана. О нем вы должны помнить, он еще перед оккупацией хозяйничал у нас. Доходы от завода теперь стали национальным достоянием, то есть они принадлежат республике, всему народу...

Хозяйка придала презрительное выражение своему лицу, желая показать, что ее все равно не проведешь, и опять взялась за свои шарики. Ее руки, мнущие и формующие тесто, казались какими-то самостоятельными существами, борющимися между собой.

— ...Всему народу, — многозначительно повторил Свобода, — всему чешскому народу, горожанам и крестьянам. Производство у нас развивается отлично, продукция превосходная, почти вся идет за границу, чтобы мы в обмен могли получать сырье; да и в самой Чехословакии, что ни день, спрос на наши мотоциклы растет. Мы не в силах сейчас удовлетворить требования покупателей. А для расширения производства нам нужны рабочие руки. Вот завод и послал меня искать рабочих.

— А кто же вас направил именно к нам? — забеспокоилась тетка Новакова.

— Я посещаю все семьи, где есть подходящие работники. Как я мог пропустить дом, где живет такой бравый парень!

— Он нам самим нужен. Верно, отец? — гнула свое Новакова, и шарики еще проворнее запрыгали в ее руках, что свидетельствовало о возрастающем волнении.

— Крестьянам зимой живется полегче, — осторожно продолжал Свобода, потом снова заговорил в шутливом тоне: — Зарежут поросеночка и отдыхают в свое удовольствие после летней страды. Надо полагать, что крестьянские сыновья сумеют подработать у нас малую толику.

Тем временем хозяин сбросил с себя перину, осторожно спустил на пол ревматические ноги в длинных подштанниках из овчины (возле босых ступней распластались белые тесемки), нащупал ночные туфли и направился к столу. Однако Свобода продолжал обращаться только к хозяйке.

— Мы зарабатываем немалые деньги, работа у машин нетрудная, понять ее — нет ничего легче. Такой способный парень, как ваш, через час все усвоит!

— Заработает какой-нибудь десяток крон, да еще искалечит себя у машины! — хлопнул ладонью по столу хозяин.

— Но, мамаша, — сын тоже обращался только к матери, — ведь эти машины не опаснее швейной.

— А ты их видал? — нахмурилась Новакова.

— Видал, на ярмарке видал, да и вы тоже! — робко заметил Вацлав.

— За две — три кроны он и отца и мать готов продать! — Хозяин, забыв про болезнь, хватил кулаком по столу. — Я никуда его не отпущу!

Свобода, словно ничего не замечая, продолжал все тем же тоном:

— Завод пустил автобусы для рабочих, и как раз в вашу сторону. Сообщение, значит, будет очень удобное. Из вашей деревни согласились пойти на завод четверо, с хутора — пока один. Разве плохо подработать в то время, когда в поле нечего делать!

Хозяин помолчал, потом вдруг вскипел:

— Я отпущу его на зиму, а вы закабалите его на всю жизнь! Никуда он не пойдет. Я сказал,— значит, так тому и быть! — и опять стукнул кулаком с такой силой, что затрясся не только стол, но и стул, на котором сидел Свобода.

— Дядюшка! Вацлав — свободный гражданин, никто не может его закабалить. Он помогает родителям. Но разве вам не жаль упустить такую возможность заработать хорошие деньги? Подсчитайте, сколько он будет привозить вам каждую неделю! И попрежнему он будет помогать вам — в субботу после обеда, по воскресеньям и по праздникам!

— А если у меня два раза в неделю непременно болит голова? — упрямо твердила хозяйка.

— А как весело у нас! — Свобода словно не заметил удара кулаком по столу. — Сколько там народу! Разве это жизнь для молодого человека — в одиночестве круглый год? Посмотрел бы он на наших девушек, ловких, красивых!

— Так, так! — прервала его «королева Виктория». — Чтобы он потом привел какую-нибудь фабричную девку и: «Мамаша, я хочу жениться»? — Огорченная этой перспективой, Новакова швырнула шарик на плиту с такой силой, что разрушила военный строй кусочков теста.

— Теперь, тетушка, уже давно никто не называет наших работниц «фабричными девками», — спокойно объяснил Свобода. — Наши работницы — настоящие дамы. Посмотрели бы вы на них в воскресенье; некоторые из них зарабатывают по нескольку тысяч в месяц.

Тут Вацлав не выдержал. Он счел необходимым вмешаться, чтобы разубедить мать:

— Такие модные барышни за деревенского и не пойдут!

— Пусть себе остаются там, на заводе!.. Ну, а кто же обед им готовит, если они целый день на работе? Там и Вацлаву, верно, на одном кофе сидеть пришлось бы и носить с собой бидон, как здешнему стрелочнику?

— На заводе есть столовая, и готовят в ней так хорошо, что там обедают даже семьи рабочих!

— Что делается-то на белом свете! Отродясь не слыхать было о таких делах! Но все равно ничего не получится. Повторяю, у меня беспрестанно голова болит, ничего не могу поделать.

— С такими деньгами, какие ваш сын заработает за зиму, можно многое сделать, — все тем же спокойным тоном продолжал Свобода и, точно ненароком, подмигнул Вацлаву, потому что они обо всем договорились еще на крыльце.

Но старый Новак зорко наблюдал за всем, что происходит вокруг, — старого воробья на мякине не проведешь. Он сразу понял, насколько выгодно предложение Свободы. В душе старик уже решил отпустить Вацлава. К тому же он был недоволен, что сын иной раз слоняется без дела и не знает, к чему приложить молодые силы. «Лодырем или браконьером, чего доброго, станет», — думал старик. Но сразу согласиться на предложение Свободы он не мог, главным образом потому, что жена была против. Теперь нашлась еще одна зацепка.

От радости у старика заблестели глаза.

— А вы продаете свои мотоциклы рабочим?

Свобода, сохраняя простодушное выражение лица, все так же серьезно отвечал:

— Завод, как правило, сам своей продукцией не торгует. В данное время сбыт централизован. Но при некоторых обстоятельствах, если, например, рабочий проявит особенное усердие, если внесет улучшение в производство или перевыполнит план, он может получить ордер и купить мотоцикл прямо у нас.

Старый хозяин ловил слова Свободы прямо на лету, его колючее лицо выражало величайшее внимание. Едва Свобода произнес слово «купить», как старик снова опустил свой сухой, костлявый кулак на стол.

— И опять не то! Ты должен будешь приносить домой всю получку, до последнего геллера! — Он замолчал, сообразив, что проговорился, и добавил уже без угрожающего оттенка в голосе: — Если только я тебя отпущу!

Вацлав так и просиял.

— Но, папаша, вы ведь знаете, что я буду приносить вам все, все, без утайки!

— Вместе с конвертом, — сухо добавил отец.

— Вместе с конвертом! — победоносно воскликнул Вацлав.

Пока обрадованный Вацлав метался по комнате, мастер Свобода положил на стул шляпу и портфель и открыл его. Парень поспешно зажег керосиновую лампочку. Свобода достал бланк договора и медленно вместе с Вацлавом прочитал его, объяснив, как нужно заполнить.

Мать тем временем кончила делать шарики из теста, вымыла руки, подошла к столу и властным жестом отправила мужа в постель. Новак, снова превратившийся в слабого, беззащитного старика, заковылял к кровати, белые тесемки от овчинных исподников волочились за ним, как змеи. Крестьянка ткнула пальцем в заполненный бланк:

— Если у меня беспрестанно будет болеть голова, то плевала я на эту бумажку! Не пущу сына на завод.

Вацлав поцеловал мать в обе обвисшие щеки. Неразумная материнская власть потеряла силу: он вдруг почувствовал себя более зрелым и более мудрым, чем она. Он понял, что ее сопротивление есть просто старческое упрямство. И если до сих пор он, не рассуждая, смотрел на мать снизу вверх, то теперь он уверенно и снисходительно, с высоты своего роста, взглянул на седую материнскую голову в платочке, почувствовал прилив нежности и от всей души произнес, искренне веря в свои слова:

— Не будет, мамаша, у вас голова болеть. И раз в неделю не заболит, а если заболит, так я подую на нее — и все пройдет!

Перевела с чешского В. Чешихина.

Фильм о великом акыне

У подножья кургана, там, где стоит древний, разрушенный ветрами памятник со стершимися арабскими письменами, небывалое стечение народа. Богатые расшитые костюмы знати выделяются яркими пятнами на фоне рваных, выгоревших на солнце халатов, овчин, треухов бедняков. На вершине кургана в юрте умирает великий акын Суюмбай. Кого назовет он своим преемником, кому передаст домбру? Суюмбай называет имя Джамбула. Ему, своему соколу, своему ученику, вручает он вместе с домброй свое искусство: «Пусть слезы народа будут твоими слезами, пусть счастье народа будет твоим счастьем!»

Так начинается фильм * о великом казахском поэте Джамбуле Джабаеве. 100 лет прожил Джамбул. Умер он в 1945 году. Живой, жизнерадостный человек, он до последних своих дней принимал активное участие в жизни Советской страны, в преобразованиях своей большой республики.

Фильм раскрывает процесс творчества этого необыкновенного певца-импровизатора, как поэтическое восприятие действительности, потребность изложения своих впечатлений, мыслей в устных поэтических сказах. Все, что видит поэт, что волнует его, находит у него немедленный поэтический отклик.

Десятки лет изо дня в день бороздил Джамбул бескрайнюю казахскую степь. Он знал жизнь своего народа, его горькую участь до революции, был свидетелем небывалого расцвета Казахстана в советские годы, — все это отразил он в своих песнях. Поэтому, когда на экране проходят 75 лет жизни Джамбула, кадры эти воспринимаются как летопись жизни казахского народа, совершившего за этот период невиданный в истории скачок от феодально-патриархального общества к социалистическому.

Роль Джамбула играет народный артист Казахской республики Шакен Айманов, актер глубокой мысли, большого обаяния, великолепного дара перевоплощения. Мы встречаемся в фильме с молодым, крепким, подвижным парнем и расстаемся с глубоким старцем. Годы согнули спину Джамбула, тяжелой стала походка, чуть дрожат морщинистые руки, но все той же неукротимой силой блестят из-под тяжелых век умные, живые глаза, все так же страстно, искренне, взволнованно звучит его голос. Режиссеру и артисту удалось воссоздать на экране эпический образ легендарного акына.

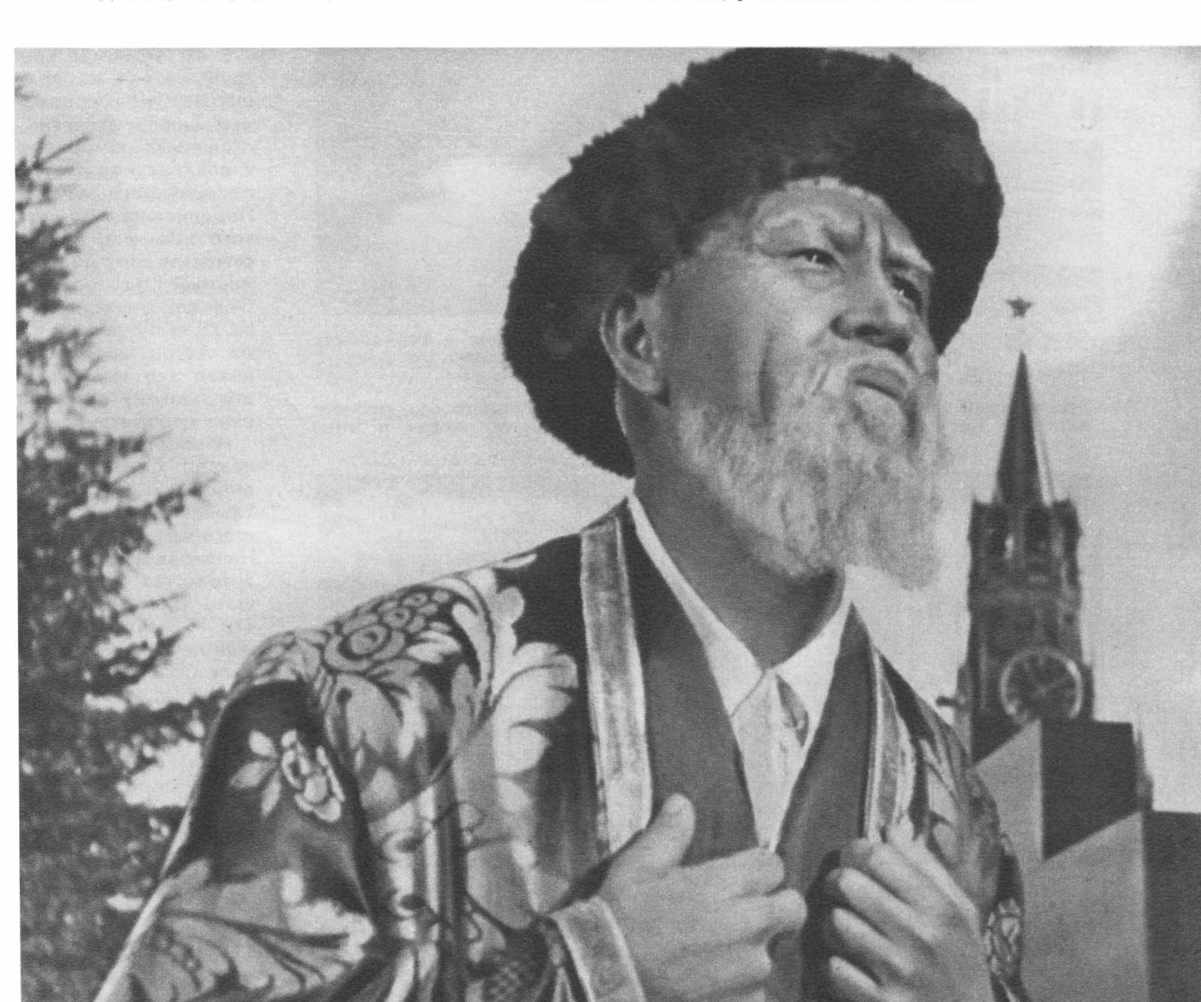
Надо сказать, что из-за клочковатости сценария единый, цельный образ было нелегко создать. Большие разрывы во времени особенно чувствуются во второй половине фильма, относящейся к советскому периоду жизни поэта, и это вызывает зачастую досаду у зрителя.

В фильме предстает целая галерея людей Казахстана различных эпох в талантливом исполнении русских и казахских артистов. Запоминаются казахские пейзажи, прозрачный воздух степей, акварельная мягкость тонов, свойственные своеобразной природе Казахстана.

И. СЕМЕНОВА

* «Джамбул». Постановка Е. Дзиган. Сценарий Н. Погодина и А. Тажибаева. Операторы Н. Большаков и И. Гелейн. Музыка Н. Крюкова и М. Тулебаева. Художники В. Егоров, Е. Еней, И. Каплан. Производство Алма-Атинской киностудии.

Джамбул (народный артист Казахской ССР Шакен Айманов) у Мавзолея В. И. Ленина.

СТРАНИЦЫ БИОГРАФИИ

Новые документы об А. С. Попове

В 1945 году советская общественность отмечала 50-летие со дня изобретения радио Александром Степановичем Поповым. К этой знаменательной дате Академия наук СССР приурочила издание сборника документов, посвященного жизни и деятельности изобретателя радио. Тогда впервые были опубликованы материалы, еще раз подтвердившие приоритет выдающегося открытия русского ученого.

Составители сборника широко использовали фонды некоторых архивов. Однако часть архивных материалов в ту пору еще находилась в эвакуации, куда они были отправлены в связи с блокадой Ленинграда. Теперь представилось возможным более тщательно исследовать их. Мне посчастливилось обнаружить ряд интересных документов, проливающих свет на различные этапы жизни и творчества моего отца.

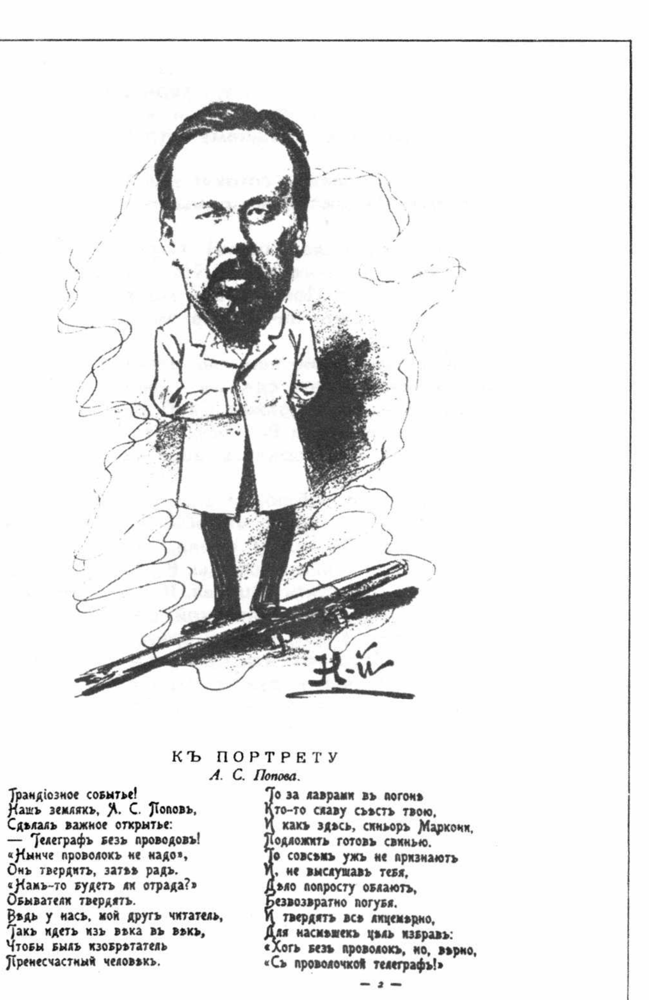
* * *

В одной из пожелтевших папок, содержавшей автобиографические сведения об А. С. Попове (они были представлены им к моменту поступления на должность преподавателя физики в Морское техническое училище), оказалось давно разыскиваемое подлинное метрическое свидетельство о рождении Александра Степановича. До сих пор эта дата устанавливалась лишь на основании послужных списков. Метрическое свидетельство точно документирует день рождения отца: 4 (16) марта 1859 года.

Привлекает внимание подлинный диплом об окончании Петербургского университета, выданный А. С. Попову 31 января 1883 года с присуждением ему ученой степени кандидата наук. О высокой оценке научного дарования Александра Степановича, проявившегося еще в студенческие годы, можно судить по найденному в архиве свидетельству об оставлении Попова при университете для подготовки к профессорскому званию. Среди лиц, подписавших протокол ученого совета университета, Д. И. Менделеев.

В юности, проживая на Турьинских рудниках (Северный Урал), Попов живо интересовался техникой во всех ее проявлениях, в том числе и фотографией. Среди архивных материалов была сделанная отцом фотография. На ней запечатлен домик в Турьинских рудниках, в котором он родился.

Свою любовь к фотографии Александр Степанович сохранил и в зрелые годы. В архиве имеется другой снимок, выполненный им. На нем воспроизведен вид сада Минного офицерского класса в Кронштадте, где Попов весной 1895 года осуществлял свои знаменитые опыты беспроволочного телеграфирования. С крыши беседки — она видна в глубине сада — на связке детских воздушных шаров была поднята первая в мире антенна.

КЪ ПОРТРЕТУ

А. С. Попова.

Грандіозное событье!
Нашъ землякъ, А. С. Поповъ,
Сдѣлалъ важное открытье:
— Телеграфъ безъ проводовъ!
«Нынче проволокъ не надо»,
Онъ твердитъ, затѣмъ радъ.
«Намъ-то будетъ ли отрада?»
Обыватели твердятъ.
Вѣдь у насъ, мой другъ читатель,
Такъ идетъ изъ вѣка въ вѣкъ,
Чтобы былъ изобрѣтатель
Пренесчастный человѣкъ.

То за лаврами въ погонѣ
Кто-то славу съѣсть твою,
И какъ здѣсь, синьоръ Маркони,
Подложить готовъ свинью.
То совсѣмъ ужъ не признають
И, не выслушавъ тебя,
Дѣло попросту облають,
Безвозвратно погубя.
И твердятъ всѣ лицемѣрно,
Для насмѣшекъ цѣль избравъ:
«Хоть безъ проволокъ, но, вѣрно,
«Съ проволочкой телеграфъ!»

— 2 —

Дружеский шарж на А. С. Попова, напечатанный в 1901 году в журнале «Шут».

В нашей семье хранится воспоминание о метком дружеском шарже, появившемся в начале нынешнего столетия в одном из столичных юмористических журналов. Рисунок изображал Попова, попирающего телеграфный столб. Перелистывая комплекты изданий того времени, я в конце концов отыскала этот рисунок, сопровождаемый стихотворным текстом. То был сатирический журнал «Шут» № 23, выпущенный в июне 1901 года. Автор шаржа более полувека назад зло высмеял Маркони за его попытку присвоить себе русское изобретение.

Известно, что в 1905 году Александр Степанович был первым выборным директором Электротехнического института, ныне носящего имя В. И. Ульянова (Ленина). Невзирая на угрозы царского правительства, Попов отказался мешать революционной деятельности студентов. В архиве обнаружен подлинник протокола из журнала Совета Электротехнического института от 15 октября 1905 года за № 21. В принятом под председательством А. С. Попова решении говорится: «По мнению профессоров и преподавателей института, свобода собраний составляет насущную потребность и неотъемлемое право всего населения, особенно в переживаемое трудное время... Всякое насильственное вторжение властей в жизнь института не может дать успокоение, а только ухудшит положение дела. Успокоение учебных заведений может быть достигнуто только путем крупных политических преобразований, способных удовлетворить общественное мнение всей страны. Такими преобразованиями, по мнению нижеподписавшихся, являются: немедленные и безусловные гарантии свободы собраний, свободы слова и неприкосновенности личности...»

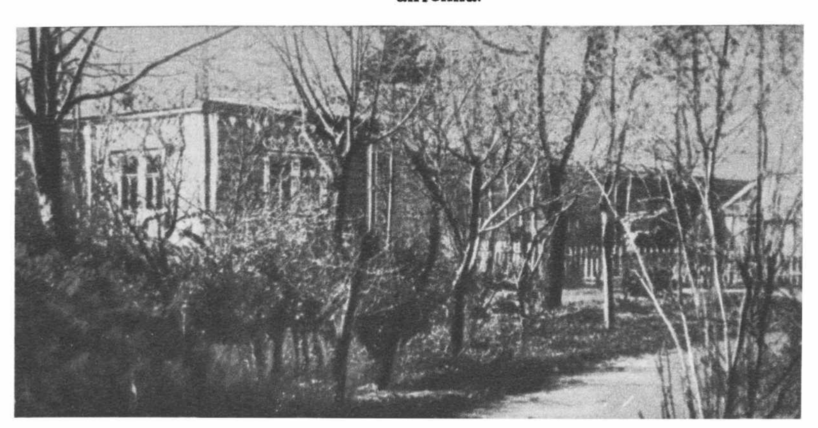
20 октября 1905 года в окне общежития студентов института был водружен большой красный флаг с надписью: «Да здравствует демократическая республика!» Этот смелый акт вызвал бешеную злобу царских сатрапов. Найденные в архиве документы говорят, что в адрес директора института А. С. Попова посыпались категорические требования снять флаг и прекратить «беспорядки». Однако угрозы не подействовали, и флаг в течение целого дня оставался вывешенным. Генерал-губернатор Трепов донес о случившемся в министерство внутренних дел. А. С. Попова несколько раз вызывали к министру для личных объяснений.

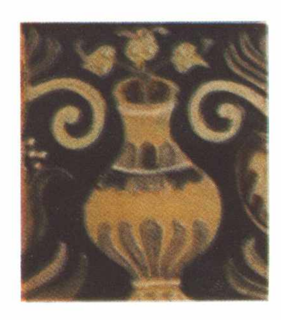
Все вновь обнаруженные документы, а также фотографии, лично выполненные А. С. Поповым, передаются в мемориальный музей его имени, созданный пять лет назад при Электротехническом институте имени В. И. Ульянова (Ленина).

Е. ПОПОВА-КЬЯНДСКАЯ

Этот фотоснимок сделан А. С. Поповым в 1880 году. Дом в Турьинских рудниках, в котором родился изобретатель радио.

Этот снимок сделан А. С. Поповым. Беседка в саду Минного офицерского класса в Кронштадте, с крыши которого была поднята первая в мире антенна.

Новая одежда зданий

Прочная, красивая одежда нужна не только людям, но и домам. До последних лет здания, как правило, покрывались штукатуркой. Теперь все в больших размерах известь и цемент заменяются керамическими облицовочными плитками. На смену штукатурам идут облицовщики.

Штукатурные работы — это трудоемкий процесс, требующий дополнительной просушки здания. Штукатурное покрытие очень недолговечно, нуждается в ремонте и покраске. Облицовочные плитки служат безотказно долгие годы.

Керамика все шире используется и для внутренней отделки. Архитектурные детали из терракоты, майолики, мозаичные панно, изразцы находят применение в вестибюлях, залах, на станциях метро.

Изысканием новой одежды зданий вот уже больше двадцати лет занимается лаборатория архитектурной керамики Научно-исследовательского института строительной техники Академии архитектуры СССР. Здесь под руководством члена-корреспондента Академии архитектуры А. В. Филиппова были созданы первые образцы облицовочных керамических плиток, примененные еще в 1937 году при строительстве новых домов на улице Горького. Прошло шестнадцать лет, а стены этих домов выглядят, как новые.

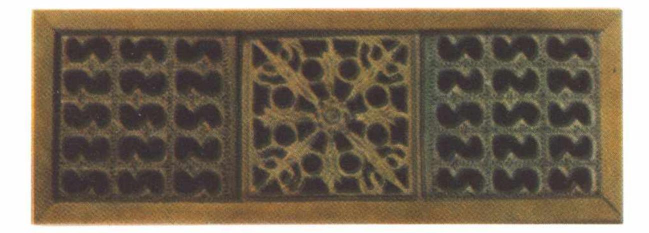
Особенно широко используются керамические плитки на строительстве высотных домов. Все высотные здания облицованы керамикой.

Одежда домов должна быть не только прочной, но и красивой. В лаборатории архитектурной керамики работают художники-архитекторы, создавая новые образцы плиток, мозаичных панно, вентиляционных решеток и других деталей. В этой работе они используют мотивы древнерусской керамики.

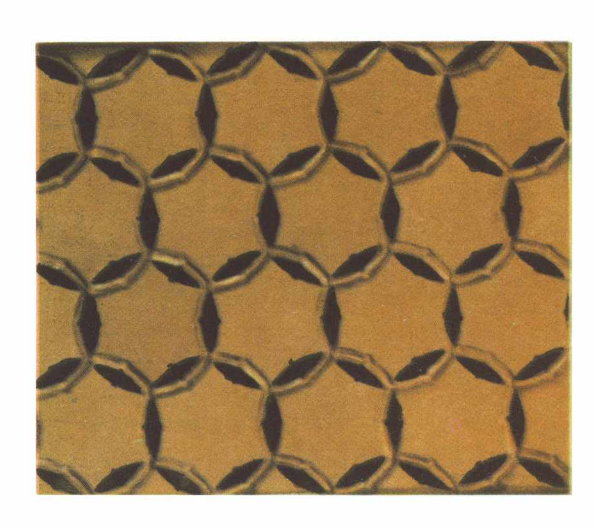
Сотрудники лаборатории предложили при крупнопанельном строительстве производить облицовку бетонных плит заранее. Таким образом, облицовщикам не придется работать на лесах.

На снимках: лаборатория архитектурной керамики Научно-исследовательского института строительной техники Академии архитектуры СССР. Вверху: руководитель лаборатории член-корреспондент Академии архитектуры СССР А. В. Филиппов и аспирантка Е. М. Ефремова рассматривают новые образцы архитектурной керамики. Внизу: мастер лаборатории Л. Г. Шеленкова формует опытные образцы архитектурных деталей.

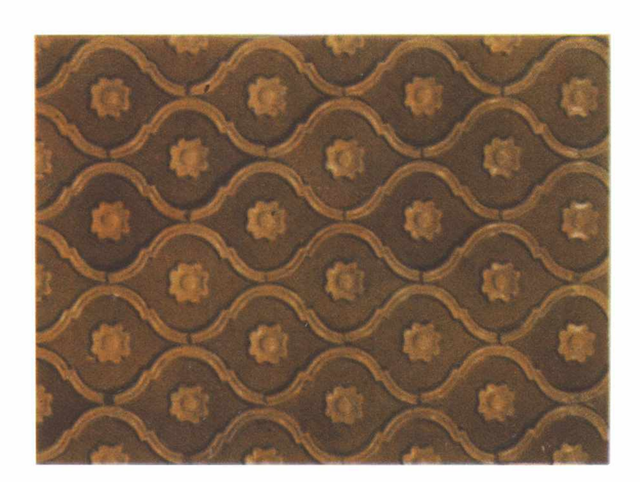

Московский керамико-плиточный завод имени Н. А. Булганина изготовляет архитектурно-художественную керамику для оформления новых станций метро. На снимке: мастер художественного цеха завода Т. Н. Михайлова за комплектованием готовых деталей.

Многоцветная майолика применена при облицовке нового здания Московского государственного университета.

Фото А. Узляна и Е. Умнова.

На съемках фильма
„ФЕЛИКС ДЗЕРЖИНСКИЙ"

Ф. Э. Дзержинский (В. Емельянов) у строителей Большой Югостали.

Декабрь 1917 года. Молодая Советская республика в опасности. Внутри страны зреют заговоры, контрреволюция собирает силы. Кому доверить руководство созданной пролетариатом организации по борьбе с врагами революции, в чьи руки вложить карающий меч революционного народа?

Вызванный к Ленину Дзержинский на эти вопросы отвечает так:

— Я бы мог доверить этот пост человеку кристально-чистому, который был бы способен все свои интересы, всего себя подчинить интересам революции...

Сталин, не задумываясь, говорит:

— Я знаю такого человека!

Ленин:

— И я знаю!

Дзержинский:

— Кто же он?

Сталин:

— Феликс Дзержинский!

С этого яркого эпизода назначения Ф. Э. Дзержинского на пост председателя Всероссийской Чрезвычайной Комиссии начинается новый художественный фильм «Феликс Дзержинский», выпущенный Московской ордена Ленина киностудией «Мосфильм».

Феликс Эдмундович Дзержинский был одним из выдающихся деятелей нашей партии и государства. Его кипучая жизнь — образец беспредельной преданности делу революции, неукротимой энергии. С именем Дзержинского в сознании нашего народа нераздельно связано представление о подлинно социалистическом гуманизме. Вся жизнь и все дела этого рыцаря революции проникнуты огромной любовью к трудящимся. Его суровая работа на посту председателя ВЧК была подчинена одной цели — завоевать народу счастье. Его энергичная борьба с детской беспризорностью была сражением за жизнь детей — будущего нашей Родины.

«...Хочется одним словом охарактеризовать эту кипучую жизнь: ГОРЕНИЕ», — писал товарищ Сталин после смерти Дзержинского. Это сталинское определение, как нельзя лучше раскрывающее образ Дзержинского, было положено в основу будущего фильма.

Большая творческая работа предшествовала началу съемок. Писались десятки вариантов сценария, пока наконец появился сценарий Николая Погодина, отвечающий требованиям, которые предъявлялись к этому произведению. Постановщик фильма М. Калатозов в течение ряда лет тщательно изучал архивные материалы, беседовал с людьми, близко знавшими Ф. Э. Дзержинского. Все это помогло Калатозову и всей киногруппе овладеть историческим материалом.

Особенно сложной оказалась задача найти актера на главную роль. В течение двух лет шли поиски исполнителя роли Дзержинского.

К началу съемочного периода были отобраны в качестве возможных кандидатов на роль Дзержинского три актера, но поиски исполнителя и после этого не прекратились.

Выбирая места для натурных съемок, группа выехала в Молотов. Там мы познакомились с артистом Молотовского драматического театра В. Н. Емельяновым. Во внешности его, казалось, не было ничего, что бы могло навести на мысль об облике Дзержинского. Но взгляд артиста, своеобразная манера разговора заставили обратить на него внимание. Упорным творческим трудом Емельянов завоевал право на исполнение заглавной роли в фильме.

В роли В. И. Ленина снимался впервые выступивший в кино артист Уфимского драматического театра М. Кондратьев, в роли И. В. Сталина — народный артист СССР М. Геловани. Совместная напряженная работа артистов, художника-гримера В. Яковлева, оператора М. Магидсона помогла донести до зрителя эти дорогие и близкие всему трудящемуся человечеству образы, отразив в фильме один из волнующих периодов истории социалистической революции.

В небольших эпизодах с шахтером Никано-

«Феликс Дзержинский». Сцена в Смольном. Идет речь о назначении Ф. Э. Дзержинского на пост председателя ВЧК. В. И. Ленин — заслуженный артист БССР М. Кондратьев, И. В. Сталин — народный артист СССР М. Геловани. Ф. Э. Дзержинский — артист В. Емельянов.

ром (артист С. Лукьянов), машинистом Медведевым (артист С. Ромоданов), с группой беспризорников (артисты Г. Юматов, В. Борискин, И. Бизяев), так же как и в образах матроса Лемеха (артист И. Любезнов), Ковалева (артист В. Авдюшко), комсомолки Веры (артистка А. Ларионова), мы пытались показать тесную связь героя фильма с народом, глубокую его человечность.

Много трудностей вызвала организация натурных съемок, особенно в Москве. Потребовалось немало изобретательности и выдумки художников (М. Богданов, Г. Мясников, С. Воронков), чтобы на улицах и площадях современной Москвы осуществить эпизоды для фильма, рассказывающие о Москве периода 1918—1926 годов. Мы старались придерживаться исторических мест. Так, эпизод ликвидации Ф. Э. Дзержинским восстания левых эсеров в 1918 году, штаб которых располагался в бывшем особняке Морозова у Покровских казарм, был нами снят именно на месте тогдашних событий — в нынешнем Большом Вузовском переулке. Специальная постройка ворот, декоративные доделки особняка, двухтысячная массовка артистов с черными знаменами «Анархия — мать порядка» помогли воссоздать картину лагеря эсеро-анархистов.

В городе Сталино (Донбасс) мы снимали эпизоды, отражающие деятельность товарища Дзержинского на посту председателя ВСНХ,— его выезды на новостройку одного из металлургических заводов Юга и к шахтерам. Съемки были проведены на заводе имени Сталина и в поселке шахты «София». В массовых сценах охотно принимали участие рабочие завода и шахтеры поселка, живо заинтересовавшиеся нашей работой.

И когда Дзержинский (артист В. Емельянов) по ходу съемки гневно говорил директору завода (артист Г. Кириллов), разоблаченному им троцкисту: «Вы и подобные вам не могут оставаться ни в рядах нашей партии, ни в рядах нашего народа!»,— артисту дружно аплодировали не только участники съемки, но и многочисленные зрители, наблюдавшие съемку со стороны.

Настал день, когда мы приступили к съемкам финальной сцены — заседания Объединенного пленума ЦК и ЦКК ВКП(б). Известно, что после этого пленума, на котором Дзержинский заклеймил оппортунистов, злейших врагов партии и народа, перестало биться пламенное сердце Феликса Эдмундовича.

С большим волнением приступали мы к работе над этой сценой. Съемке предшествовали длительные репетиции. В павильонах студии «Мосфильм» была сооружена декорация Свердловского зала в Кремле.

И вот уже звучат с экрана страстные заключительные слова речи Дзержинского:

— Закладывая фундамент социализма, зорко всматриваясь в будущее, мы будем бдительны и непоколебимы. Наша священная цель — коммунизм! И если бы, товарищи, человечеству не сияла звезда коммунизма, то не стоило бы жить. Жить, творить, бороться во имя победы коммунизма — вот великое наше счастье!

Этими словами, словами твердой уверенности в победе коммунизма, заканчивается фильм.

Жизнь Ф. Э. Дзержинского будет вечно служить великим образцом того, как нужно бороться во имя победы коммунизма. Наш фильм — скромная дань памяти этого замечательного человека.

Режиссер Н. ДОСТАЛЬ

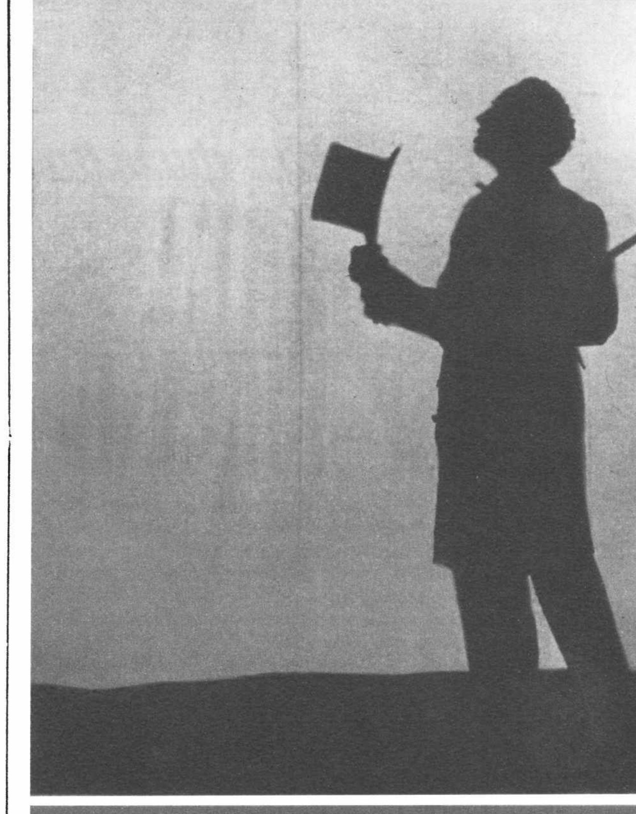

В штабе восставших эсеров. На переднем плане: слева (спиной к зрителям) — Ф. Э. Дзержинский (В. Емельянов), справа — матрос Лемех (заслуженный артист РСФСР И. Любезнов).

Рабочий момент съемки фильма. Шествие по улицам Москвы колонны беспризорников, направляющейся к ВЧК.

Фото В. Трохачева.

Постановка пьесы М. Е. Салтыкова-Щедрина «Тени» в ленинградском Новом театре

Конец 1850-х годов. Царское правительство спешно ведет подготовку гражданских «реформ» с целью сорвать назревающую в стране революционную ситуацию. Свои куцые «реформы» самодержавие пытается выдать за коренную перестройку общественно-политической жизни. Но, по существу, дело сводится лишь к тому, чтобы ценой отдельных уступок укрепить чиновно-бюрократическую систему.

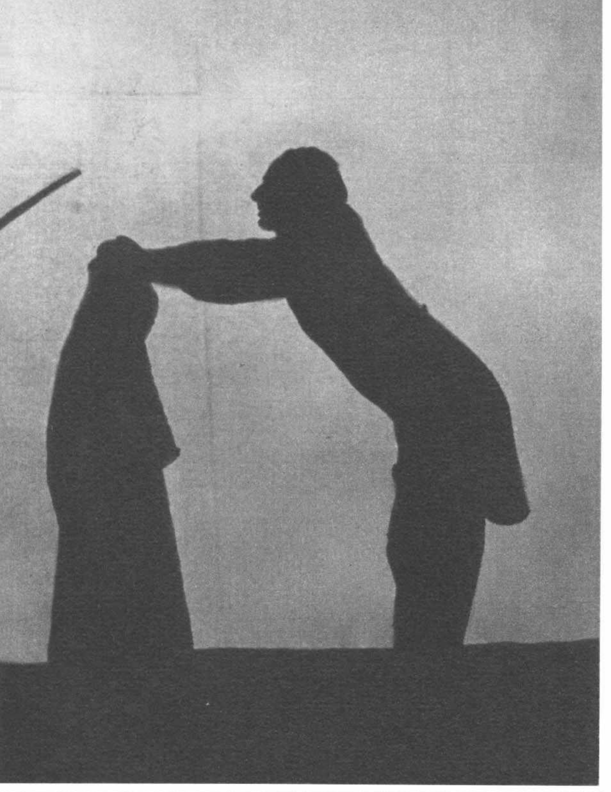
Мрачная тень конного жандарма, парадный памятник Николаю I,— символ самодержавной власти — возникает на большом, во всю сцену экране. А по мере того, как бледнеют ее очертания, из глубины выступают темные силуэты людей. Так начинается в ленинградском Новом театре представление «драматической сатиры» Салтыкова-Щедрина «Тени».

В эпоху «реформ» услужливые буржуазные либералы поспешили сфабриковать целую серию пьес, якобы разоблачавших пороки и язвы современной общественной жизни. В этих пьесах обличение чиновно-бюрократической системы подменялось разглагольствованием о «плохом» и «хорошем» чиновнике. Зло и беспощадно высмеял Добролюбов «обличительные» произведения, идиллически рисовавшие прекраснодушие... станового пристава. Столь же издевательски писал Салтыков-Щедрин о такого рода драматургии, ставившей своей целью «утверждать утвержденное, защищать защищенное и ограждать огражденное» и критиковавшей лишь в пределах, дозволенных начальством.

Решительную борьбу повела революционная демократия за создание подлинно сатирической драматургии. Горячо поддержал Чернышевский комедию Островского «Доходное место» именно за то, что она отличается «сильным и благородным направлением». А немного позднее сам Салтыков-Щедрин написал пьесу «Тени», где с еще большей силой показал полное вырождение существующей государственной «системы». Вот характерный диалог из этой пьесы:

«Набойкин: —...Вся система заключается в одном слове: дисциплина и ничего больше.

Бобырев: — Но ведь дисциплина только средство, Набойкин, средство равно пригодное для всякой системы.

Набойкин: — Это вообще, а в сфере бюрократии дисциплина есть сама по себе система... Ты исполнитель — и ничего больше; твои способности, твое уменье, конечно, драгоценны, но они драгоценны только в том смысле, что человек умный и способный всякую штуку сумеет обделать ловчее, нежели человек глупый и неумелый».

Салтыков-Щедрин подчеркивает, что объектом его сатиры в пьесе «Тени» являются не отдельные лица, а весь чиновно-бюрократический уклад страны.

Житейские прототипы стоят за персонажами пьесы «Тени». Ее князь Тараканов — это министр императорского двора граф Адлерберг, фаворитка князя Клара Федоровна — известная «помпадурша» Вильгельмина Буркова, ворочавшая всеми делами, молодой сановник Клаверов — барон Кистер... Не все персонажи появляются перед зрителями. Старый ретроград князь Тараканов и его Клара действуют где-то за кулисами. Но они, их тени, определяют судьбу лиц, которые непосредственно выступают на сцене. Дело, однако, не в отдельных прототипах. «Тенями человеческими» являются также все действующие лица, надо только внимательнее присмотреться к ним.

Режиссер и художник спектакля Н. П. Акимов остро и смело воплотил на сцене этот центральный мотив щедринской «драматической сатиры». Парадный кабинет Клаверова. Большие зеркальные окна выходят на фасад величественного здания, украшенного колоннами,— ничего общего с грязным департаментским «Присутствием»! И сам молодой генерал Клаверов так представителен, так горячо говорит о трудностях своей государственной деятельности! Но вот развертываются события, и постепенно начинает выступать подлинное лицо этого бездушного карьериста и негодяя. Артист В. Лебедев придает Клаверову черты внешней привлекательности: он искренне возмущается, например, тем цинизмом, с каким пытается пролезть к нему на службу сын богатого откупщика. Но Клаверов «вышел в люди» благодаря своей бывшей любовнице Кларе, которую затем «уступил» старому князю Тараканову. А теперь, поссорившись с Кларой, он затевает против нее интригу. Так блестящий сановник оказывается на поверку грязным проходимцем.

Тенью Клаверова выступает состоящий при нем «чиновник особых поручений» Набойкин. Житейские масштабы Набойкина значительно мельче — это «пенкосниматель» и подхалим. Ю. Бубликов превосходно играет роль Набойкина.

Рядом с ними экзекутор Свистиков. Остро передает А. Абрамов угодливость старого служаки с его рабской психологией, готового играть роль домашнего шута, но с мещанской озлобленностью «мелкого человека», наблюдающего исподтишка за моральным растлением всех тех, кого он обслуживает и кто его окружает.

На разных ступенях административной лестницы стоят Клаверов, Набойкин и Свистиков, но чиновно-бюрократическая система крепко связывает их между собой. В эту же орбиту попадает провинциал Бобырев, приезжающий в Петербург на службу. Некогда веривший в «новые порядки», в «высокое и светлое», Бобырев вскоре становится таким же чиновником-карьеристом. Интересно играет В. Петров роль Бобырева. Поначалу этот простодушный провинциал вызывает к себе симпатии. Искренне хочет он выбраться из того омута, в который попал. Но Бобырев — буржуазный либерал. К настоящему протесту он неспособен, даже бросить Клаверову слово «подлец» он смог, лишь напившись допьяна. И в то время как Жадов в комедии Островского «Доходное место» находит в себе силы для того, чтобы произнести приговор миру взяточников и тунеядцев, Бобырев больше всего боится потерять свое место, спеша принести Клаверову извинения. Мнимый конфликт, возникший между Бобыревым и Клаверовым, лишь острее раскрывает моральную опустошенность обоих.

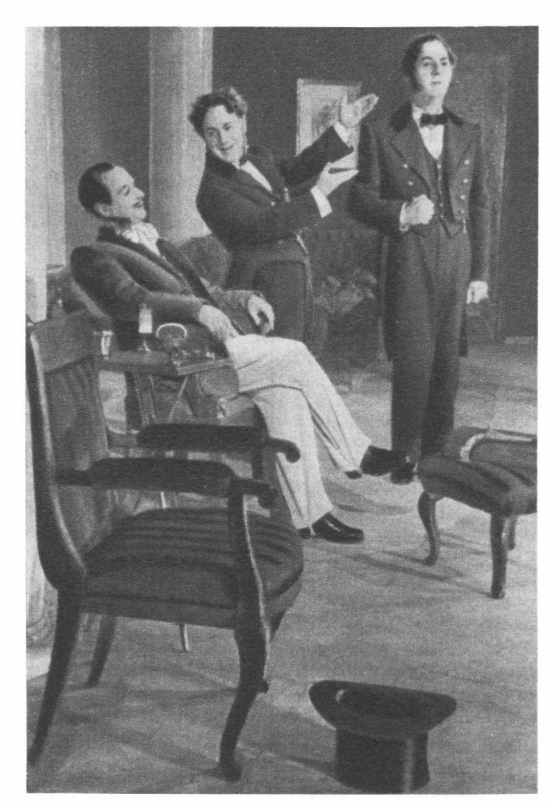
Печальная судьба Софьи, жены Бобырева, развертывается в «Тенях». Атмосфера «веселящегося Петербурга» быстро развращает молодую провинциалку, и она катится по наклонной плоскости. Столкновение Бобырева с Клаверовым на минуту отрезвляет Софью. Поведение Клаверова вызывает в ней подлинную горечь. Но эта горечь разочарования не перерастает у нее в попытку порвать с окружающим ее миром. И Софья уходит под руку с молодым Таракановым (А. Гюльцен), отъявленным пошляком. Г. Короткевич очень тонко передает этапы падения героини, которая становится тенью своей молодящейся мамаши, весьма склонной к вольному обращению. В. Будрейко колоритно и сатирически остро играет роль этой легкомысленной особы.

Картину общего растления дополняют дворянские недоросли Апрянин (В. Фомичев) и Камаржинцев (Д. Бессонов) и обнаглевшие новые хозяева положения, обладающие властью «голого чистогана»,— откупщики Обтяжнов (О. Каган) и Нарукавников (Е. Гвоздев).

Существует, однако, другой мир, противостоящий растленному миру «теней человечества». Это Шалимов и Секирин, о которых упоминается по ходу действия. Шалимов присылает Бобыреву письмо, пытаясь удержать его от падения. Сам Шалимов на сцене не появляется. Но идейная борьба реакционно-либерального лагеря с лагерем демократии отчетливо звучит в пьесе, создавая ее основной идейный конфликт.

Наученный горьким опытом с пьесой «Смерть Пазухина», которую цензура не разрешила к постановке, Салтыков-Щедрин справедливо полагал, что тем более не пройдет цензурных рогаток его «драматическая сатира». «Тени» были обнаружены в бумагах Салтыкова-Щедрина лишь много лет спустя после смерти писателя. В 1914 году «Тени» были впервые поставлены на сцене силами артистов Александринского театра в порядке эпизодического «благотворительного» спектакля, «не замеченного» буржуазной прессой. Таким образом, только сейчас начинается сценическая история этого замечательного произведения. Почин, сделанный ленинградским Новым театром, является его несомненной заслугой.

С. ДАНИЛОВ

«Тени» М. Салтыкова-Щедрина в ленинградском Новом театре.
Сцена у Клаверова (4-й акт). Князь Тараканов (А. Гюльцен), Набойкин (Ю. Бубликов), Клаверов (В. Лебедев).

Сцена из 2-го акта. Слева направо: Клаверов (В. Лебедев), Софья Александровна (Г. Короткевич), Мелипольская, ее мать (В. Будрейко).
Фото И. Фетисова.

Зеленая аптека

Растения, которые возделываются на полях совхоза, расположенного у курортного городка Кобулети на аджарском побережье Черного моря, редко встретишь в других районах нашей страны. Их плодов не употребляют в пищу, из них не добывают душистых соков или технических масел. Они идут на изготовление лекарств.

До нас эти растения доходят в порошках, экстрактах, таблетках. Здесь же, на плантациях, в парниках и теплицах совхоза лекарственных культур, их можно увидеть в своем естественном, зеленом виде.

Вот длинные ряды кустов. Толстые, мясистые щупальца с зазубренными краями причудливо изогнуты вкривь и вкось. Это — алоэ, или, как его называют в народе, «столетник». Из него был приготовлен чудесный препарат академика Филатова. Многим советским людям алоэ спасло зрение, многих защитило от тяжелых заболеваний.

Вскоре получит широкую известность еще одно лечебное свойство алоэ. Из него стали готовить знакомый в старину слабительный препарат сабур.

Совхоз — основной поставщик алоэ. В минувшем году на фармацевтические заводы было отправлено 10 тонн зеленого листа. Сейчас здесь такое количество этих растений, которое позволит более чем в три раза увеличить производство алоэ-ампул.

Обширные площади в совхозе занимают посадки мара лекарственного, камфарного лавра, почечного чая. Есть эвкалиптовая роща.

Высокое красивое дерево эвкалипт нетрудно узнать по лохмотьям коры, свисающим вдоль ствола (вместо листьев у него опадает кора). Это дерево-насос, способное мощными корнями выкачивать из земли огромное количество влаги, имеет целительные свойства. В листьях серебристо-пепельного эвкалипта биохимики обнаружили цинеол, применяемый при лечении туберкулеза. Отвары и экстракты эвкалипта отлично дезинфицируют и заживляют раны. В этом году посадки эвкалипта увеличиваются вдвое.

До сих пор олеандр считался лишь декоративным растением, украшал приморские бульвары и парки, выращивался на подоконниках в цветочных горшках. Садоводам и любителям комнатных растений известно было, что листья его ядовиты. Известно было также, что у него есть брат — строфантус, ядом которого дикие племена отравляли стрелы. Из строфантуса готовят теперь лечебное средство строфантин, помогающее людям с сердечными заболеваниями. Но строфантус не растет в нашей стране. Надо было найти схожее вещество в растительности наших субтропиков. Этим занялись научные сотрудники ВИЛАР (Всесоюзного института лекарственных и ароматических растений). Они нашли его в ядовитых листьях олеандра. Новый препарат — нериолин, — приготовленный из листьев олеандра, по своим лечебным качествам не уступает строфантину.

Индийцы толкли кору хинного дерева, погружали ее в воду и давали жидкость человеку, страдающему лихорадкой. Больной выздоравливал.

Более трехсот лет тому назад стали известны лечебные свойства хины. Из коры хинного дерева добывают комплексный препарат, называемый хинетом. Горнотропическое дерево не могло привыкнуть к нашему климату. Оно погибало, как только температура опускалась ниже нуля.

...Теплицы Кобулетского совхоза лекарственных культур. Вдоль узкого обогреваемого помещения стоят ящики с рассадой довольно крупного широколистого растения. Это рассада хинного дерева, полученная путем черенкования. Новый, вегетативный способ размножения хины, впервые примененный советскими ботаниками, превратил это дерево в однолетнюю культуру. В таком виде оно может у нас существовать зимой в теплицах, а с наступлением лета — в простых теневых парниках.

Но это не дерево. У него нет ствола, а следовательно, нет и не будет коры. Откуда же добывать хинет? И этот вопрос разрешен исследованиями советских биохимиков: хинное вещество есть в стеблях и листьях молодых саженцев. Отсутствие коры не снижает ценных качеств растения.

В одной из теплиц совхоза есть «уголок хинного сада». В больших плетеных из бамбука корзинах стоят настоящие деревья с широкими полуметровыми листьями. Они выросли здесь. Некоторым из них уже по 8—10 лет, и лишь в прошлом году все они впервые зацвели, дали плоды. Получены семена.

Маленькие сеянцы хинного дерева величиной не более обыкновенной булавки — это представители первого поколения отечественной хины. Селекционер Нина Павловна Свадовская опрыскивает их водяной пылью. Хинные сеянцы — плод многолетнего труда научных сотрудников, и они стремятся сохранить каждый из поднявшихся зеленых всходов.

Все это происходит уже в соседних с совхозом теплицах Закавказской зональной опытной станции ВИЛАР, которую возглавляет научный работник Георгий Васильевич Бузаладзе.

Здесь собраны представители мира лекарственных растений самых жарких стран. Нелегко им приходится на первых порах. Если чай или цитрусы могут продвигаться по нашей земле постепенно с юга на север, то, скажем, кокаиновый куст, который гибнет уже при температуре плюс 10 градусов, делает скачок из тропиков в северные субтропики. На станции стараются прежде всего сохранить ему жизнь, исследуют его качества и поведение на новом месте, затем ищут способы нормального роста и размножения. И когда опыт закончен, когда препараты и лекарства из нового растения прошли тщательные клинические испытания, растение передают в соседний совхоз для выращивания.

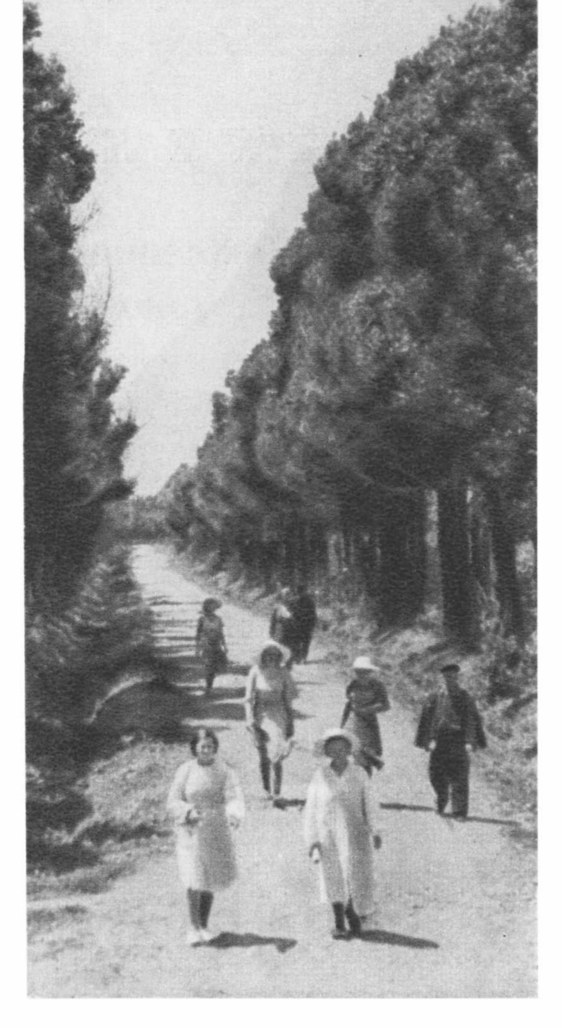
Такой путь прошли все растения, которые сегодня поставляет совхоз фармацевтической промышленности.

Лучший садовод станции Саба Наосиевич Хухунайшвили подводит нас к опытному полю, на котором разрослась ботва какого-то луковичного растения. Необычно видеть в эту пору на открытом поле такую яркую, сочную зелень.

Это морской лук родом с берегов Средиземного моря. Зимой он цветет, а к весне листья опадают, и в земле остается луковица. Из ядовитого вещества, содержащегося в розовых луковицах, готовят препараты для истребления крыс и сельскохозяйственных грызунов. На выращивание сеянцев уходило не менее четырех лет. Теперь применен метод вегетативного размножения, и морской лук скоро перейдет в совхоз.

Лекарства, приготовленные из растений, проверены многими поколениями людей. Их применял народ еще задолго до существования научной медицины. А ныне они верные, испытанные наши друзья.

И. МЕСХИ

Аллея камфарного лавра в Кобулетском совхозе лекарственных растений.

Фото Н. Анастасьева.

Плантации алоэ в Кобулетском совхозе. Лаборантка зональной станции ВИЛАР Мария Цоколенко и агротехник совхоза Лидия Ковтун за сбором листьев алоэ.

ПИСАТЕЛИ И КНИГИ

Разоблачение «идеального дипломата»

Первые же произведения молодого английского писателя Джеймса Олдриджа обратили на себя внимание советского читателя. Они отличаются нескрываемым стремлением автора дать ответ на самые животрепещущие вопросы современной международной жизни. Романы «Дело чести», «Морской орел» и пьеса-памфлет «Сорок девятый штат» — каждая из этих книг вторгается в самую гущу политической борьбы, ратует за демократию, против фашизма, за мир, против поджигателей войны.

Не является исключением в этом отношении и последнее, самое значительное произведение Олдриджа — роман «Дипломат», удостоенный Всемирным Советом Мира Золотой медали. Как рассказывает сам автор, идея этого романа зародилась у него еще в годы войны. Она созревала как протест против антисоветских настроений, укоренившихся в английских правящих кругах и ставших особенно заметными после великой битвы под Сталинградом. «Дипломаты отныне считали, — писал Олдридж, — что у них осталась одна задача: «остановить русских» — самый удобный термин для маскировки вмешательства в чужие дела». Разоблачению империалистической сущности лозунга «борьбы с коммунизмом» и посвящен роман «Дипломат».

Убедительность этого разоблачения в том, что достигается оно не декларациями, не средствами политического памфлета, а через живые, выписанные с большим мастерством типические образы людей, действующих в типических обстоятельствах.

Действие романа (в основе его лежит вымышленный эпизод — миссия крупного английского дипломата в Москву и затем его поездка по Ирану) развертывается на фоне послевоенных событий в Иранском Азербайджане. Но читатель не найдет здесь решения каких-либо специфически иранских проблем. В немногих эпизодах красочными штрихами показана лишь сущность событий: бурный рост движения народов Ирана за независимость и стремление английских колонизаторов любой ценой сохранить свои позиции. Автор как бы подчеркивает этим, что Иран в данном случае — лишь один из многих участков обострившейся в послевоенные годы борьбы сил демократии и прогресса против сил реакции.

Лорд Эссекс — центральный персонаж романа — это, можно сказать, классический представитель дипломатии английского империализма. Автор наделил его чуть ли не всеми качествами «идеального дипломата», скрупулезно перечисленными в книге о дипломатии, написанной одним из английских теоретиков этого вопроса, Гарольдом Никольсоном.

Личные интересы и взгляды Эссекса неотделимы от интересов его класса. Он с гордостью говорит о своей миссии: «...мы продолжаем то, что было сделано и Дизраэли, и Керзоном, и Рандольфом Черчиллем, и Кэслри». Не за страх, а за совесть отстаивая это «дело» то есть сверхприбыли английских колонизаторов, Эссекс в критический момент даже забывает о серьезной опасности, грозящей его жизни в горах Курдистана. Однако проявленные им личная храбрость и выдержка, которые на какой-то момент внушают невольное уважение даже его противникам, только подчеркивают всю подлость и лицемерие той политики, которую он проводит. Разоблачение автором романа самой сути империалистической дипломатии достигается полнее и глубже тем, что показано, как она терпит поражение даже тогда, когда осуществляется самыми опытными и умелыми чиновниками.

«Идеальный дипломат» империализма оказывается бессильным, когда сталкивается с последовательной миролюбивой дипломатией Советского государства. После первого же приема у В. М. Молотова обычно самонадеянный Эссекс вынужден признаться, что «хотя ему приходилось переживать куда более серьезные дипломатические провалы, он никогда еще не чувствовал себя таким дураком». Эпизод, в котором с большой художественной силой изображен прием английских дипломатов И. В. Сталиным, не оставляет у читателя сомнений в превосходстве советской дипломатии, основанной на принципах, в корне противоположных принципам Эссекса.

Вся логика развития дальнейших событий подводит читателя к ответу на вопрос, естественно возникающий при чтении первых страниц романа: в чем же причина слабости дипломатии эссексов? Ответ на это может быть только один: в том, что она защищает интересы, враждебные не только народам Ирана и других зависимых стран, но и народу самой Англии.

Подлинную цену дутого «патриотизма» Эссекса легко проверить на его отношении к США. «Я признаю,— заявляет он в минуту откровенности, — англичане подчас склонны к лицемерию, но по сравнению с американскими фарисеями, мы же честнейшая нация в мире. Беда, однако, в том, что они теперь желают ощипать и нас, и, кажется, вопрос будет стоять так: или согласиться на это, или потерять все. Что до меня... то в случае нужды я предпочитаю целовать доллар, но не обниматься с фанатиками, которые задумали перевернуть вверх дном весь мир».

Разоблачение Эссекса происходит в романе не сразу. Оно достигается последовательным противопоставлением образу этого империалистического политика образа Мак-Грегора. Это молодой ученый-микропалеонтолог, выходец из средних слоев. Случайные обстоятельства, связанные с обстановкой военного времени, ввели его («...можно сказать, мобилизовали», — определяет он сам) в обычно тесно замкнутую корпорацию дипломатических чиновников.

Вначале Мак-Грегор очень далек от всякой политики, но, обладая независимостью взглядов, он привык ко всякому делу подходить как ученый, то есть опираясь на реальные факты и, в своем понимании, «беспристрастно». По существу, Мак-Грегор выступает в романе представителем тех самых «простых людей», о которых товарищ Сталин говорил, что они «...не такие уж простые, как может показаться на первый взгляд. У них, у «простых людей», — говорил товарищ Сталин,— есть свои взгляды, своя политика, и они умеют постоять за себя».

С первых же шагов своей деятельности в качестве ближайшего помощника Эссекса и его коллег Мак-Грегор обнаруживает, что, «вероятно, нет такой вещи на свете, на которую он смотрел бы глазами этих людей». И в то же время каждая встреча с советскими дипломатами убеждает его, что их взгляды на вопросы войны и мира неизмеримо ближе и понятней ему, чем взгляды его соотечественников из британского посольства.

Мак-Грегор хорошо знает Иран, где он родился, и искренне сочувствует стремлению населяющих его народностей добиться человеческих условий жизни. Однако его наивные надежды, что этому в какой-то мере может способствовать миссия Эссекса, быстро рассеиваются. Во время поездки по Ирану он ясно понимает, какая опасность таится в интригах Эссекса для английского народа и всеобщего мира.

Мак-Грегор считает своим патриотическим долгом оказать посильное сопротивление махинациям своего «шефа». «Мы неправы,— объясняет он свои взгляды вождю курдского племени,— вы правы. Стать на сторону правого — значит прежде всего оказать услугу самому себе». Вступив на путь борьбы, Мак-Грегор завершает ее по возвращении в Лондон разоблачительным выступлением в печати, которое в конце концов сводит на нет антисоветские и антииранские хитросплетения Эссекса.

Этот успех поначалу кажется неожиданным самому Мак-Грегору, который долго сомневался в способности отдельных людей, как бы правы они ни были, противостоять эссексам и стоящим за ними «невидимым силам».

Однако панический страх, в который повергает английских политиканов выступление Мак-Грегора, рассеивает его сомнения. Мак-Грегор, а вместе с ним и читатели убеждаются, что в борьбе за правое дело мира честный человек не одинок. Смешно и фальшиво звучат на последних страницах романа попытки Эссекса говорить от имени Англии: «Англии нужны... Мы заинтересованы...» Читатель уже не сомневается, что подлинная Англия — это не эссексы, а мак-грегоры. Чувствует это и сам Мак-Грегор. И когда Эссекс, перед тем как уехать в США «целовать доллар», высокомерно заявляет, будто «судьбу Ирана не трудно будет решить в Нью-Йорке», его бывший помощник уверенно отвечает: «...не в вашей власти предопределить ход событий...»

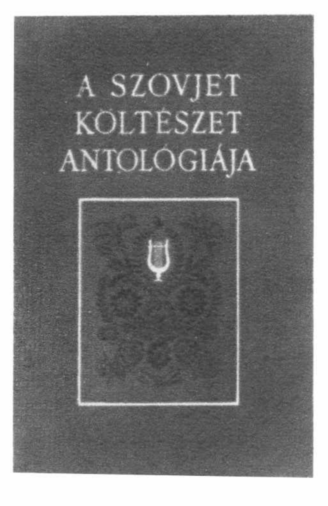
Не менее ценные выводы делает Мак-Грегор и для себя лично: «Только теперь,— говорит он,— для меня начался настоящий бой, и я вижу, что мне нельзя уходить с поля... Мне даже кажется,— добавляет он через несколько страниц,— что я только теперь начал жить...»

Этим оптимистическим выводом, полным веры в победу дела мира, кончает Олдридж свой замечательный роман. Вместе с сомнениями Мак-Грегора он разрешает сомнения многих и многих честных людей Англии, жаждущих мира, но не всегда решающихся активно бороться за него.

А. ВАРШАВСКИЙ

Джеймс Олдридж. **Дипломат.** Перевод с английского. Издательство иностранной литературы. М. 1952. 831 стр.

В Венгрии вышла «Антология советской поэзии»

После падения Венгерской советской республики (в 1919 году) правящая верхушка Венгрии в течение 25 лет неуклонно проводила политику идеологической изоляции страны от СССР. Советская литература в годы режима Хорти была под запретом. Лишь изредка издавались некоторые произведения советских авторов, но в обезображенном, исковерканном виде. Венгерские фашистские заправилы — все эти бетлены и эстерхази, имреди и каллаи, ныне выброшенные в помойную яму истории,— панически боялись правдивого слова советских писателей, художественно запечатлевших в своих книгах славный опыт революционной борьбы и мирного строительства советского народа.

Ныне книги М. Горького и В. Маяковского, М. Шолохова и А. Фадеева и других советских писателей сделались для трудящихся народно-демократической Венгрии настоящими учебниками жизни.

Появление на венгерском языке «Антологии советской поэзии» — знаменательное событие в культурной жизни страны. В книге содержится около 350 стихотворений, представлено творчество более чем 100 поэтов, пишущих на разных языках народов СССР. Многие стихотворения впервые печатаются на венгерском языке.

В создании «Антологии» приняли участие видные венгерские писатели — лауреаты премии имени Кошута Л. Беньямин и З. Зелк, Л. Кардош (автор недавно вышедшего в Венгрии перевода «Василия Теркина»), Ш. Лани, Э. Мадарас, Г. Хегедюш, Д. Шомьо, Г. Кепеш, а также молодые поэты, дарование которых расцвело после освобождения страны, П. Куцка, Л. Коня и другие.

«Составители тома Анатоль Гидаш и Сергей Кирьянов и редактор Ласло Кардош проделали новаторскую и очень ценную работу,— отмечает в газете «Сабад неп» венгерский критик Шандор Фекете.— Значение книги огромно. Составленная из лучших творений советской поэзии, она знакомит наш народ с произведениями, которые воспитывают в читателе высокие чувства любви к родине, к труду, коммунистическую мораль. Именно поэтому мы вправе рассматривать эту книгу как неоценимое средство воспитания венгерских трудящихся».

О. РОССИЯНОВ

Коротко о книгах

В Таллине на эстонском и русском языках вышла «История Эстонской ССР». Книга эта, созданная коллективом Института истории Академии наук ЭССР, под редакцией вице-президента Академии Г. И. Наана, является первым подлинно научным трудом, в котором систематически изложена история эстонского народа с древнейших времен до наших дней.

В книге разоблачаются антинаучные измышления прибалтийско-немецких и буржуазно - националистических «историков», которые замалчивали давний союз эстонцев с русским народом, сложившийся в общей борьбе против немецких, шведских и датских захватчиков.

Победа русских в Северной войне в начале XVIII века освободила эстонский народ от долгого гнета шведских оккупантов. Благодаря присоединению к России в Эстонии установился длительный мир, началось развитие промышленности и культуры, увеличился рост народонаселения.

Плечом к плечу с русскими рабочими боролся эстонский трудовой народ в 1917 году за советскую власть. Американо-английские империалисты помогли местной буржуазии временно реставрировать капитализм. А в 1940 году с помощью СССР народ снова установил в своей стране советскую власть.

Освобожденная страна ныне превратилась из захолустья Европы в цветущую социалистическую республику. К началу 1952 года уровень промышленного производства вырос в 4,1 раза (по сравнению с 1940 годом), в то время как в капиталистической Эстонии производство двадцать лет топталось на месте.

Эту историческую правду невозможно исказить никакими буржуазными бреднями о том, что эстонскому народу якобы свойственен капиталистический образ жизни.

Книга «История Эстонской ССР» является пособием для высших учебных заведений и средних школ республики.

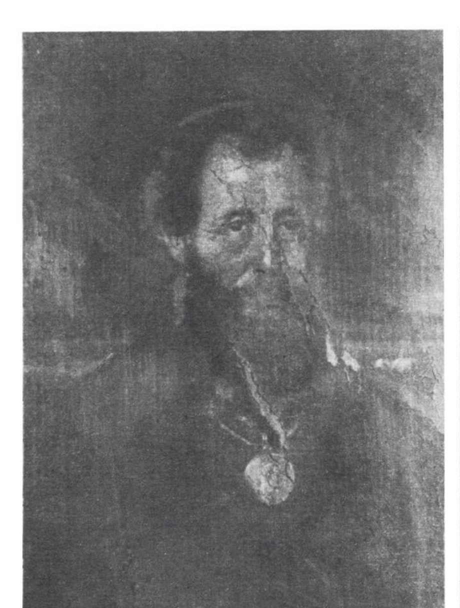
* * *

Старейшая чешская писательница Мария Майерова была известна советскому читателю главным образом по ее романам «Лучший из миров» и «Сирена». Кроме них, в недавно выпущенном издательством иностранной литературы однотомнике М. Майеровой впервые на русском языке опубликован роман «Шахтерская баллада». В нем повествуется об одном из потомков семьи кладненских шахтеров Гудцев (об этой семье рассказано в романе «Сирена»).

Послевоенное творчество писательницы представлено в однотомнике произведениями, рисующими созидательный труд народа Чехословакии, его борьбу за построение социализма. Это очерки «Огненный город» и «Сталинские заводы», повесть «Деревня Красивый Лес» и рассказ «Путь молнии». Однако этот раздел можно было бы расширить. У Майеровой есть еще несколько интересных рассказов и очерков, написанных после войны и еще не переведенных на русский язык.

В сборник включен отрывок из книги «В мастерской писателя» — «О художественном творчестве».

Избранным произведениям Марии Майеровой предпослано предисловие составителя сборника Р. Кузнецовой.

Портрет Е. А. Черепанова (до реставрации).

Реставрированный портрет Ефима Алексеевича Черепанова. Публикуется впервые.

Восстановленные портреты

Во время Великой Отечественной войны мне пришлось вместе с Павлом Петровичем Бажовым разъезжать по Уралу. Павел Петрович везде находил новое для своих чудесных сказов-самоцветов. А я разыскивал новые материалы об изумительных уральских техниках-новаторах, в том числе и дополнительные материалы о замечательных машиностроителях, изобретателях и строителях первых русских паровозов, работавших в первой половине прошлого столетия, — Ефиме Алексеевиче и Мироне Ефимовиче Черепановых. Мне удалось обнаружить в 1943 году их портреты. На след навел меня П. П. Бажов. Во время одной из наших бесед о прошлом Урала он сказал, что на улице Токарей на Верх-Исетском заводе есть портреты крепостных мастеров, которыми я должен непременно заинтересоваться. Затем он познакомил меня с А. П. Гуляевым, правнуком Ефима Алексеевича и внуком Мирона Ефимовича Черепановых. Александр Павлович предоставил в мое распоряжение два портрета. За столетие, прошедшее после их написания, они испытали много невзгод и оказались в чрезвычайно плохом состоянии.

Когда я привез портреты в Ленинград, то положение их, говоря словами заключения ученого реставратора, было следующим. На обоих портретах поверхность была покрыта слоем сильно разложившегося лака и загрязнений. Этот покров носил характер темной завесы, мешавшей видеть самое содержание произведений. Если лица на портретах еще в какой-то степени были заметны, то пейзаж фона был почти недоступен для рассматривания. Колоритность красок не поддавалась определению, на части полотен осыпался красочный слой, в некоторых местах — до самой основы. Обратная сторона холста была сильно потерта и местами прорвана.

Около двух лет работал над портретами специалист. Но после реставрации, казавшейся законченной, портреты «заболели». На них стали появляться пузыри. Краска начала осыпаться. Поблекли и без того неяркие цвета. Оба портрета стали темнеть. Казалось, что изображения уходят в глубину полотна...

В акте экспертизы записали: «Оба портрета находятся в состоянии, не позволяющем их экспонировать... воспроизведение их в печати нецелесообразно». Отметили и то, что «малейшая перевозка является совершенно недопустимой».

Долго никто не брался за восстановление портретов, казавшихся безнадежно испорченными. Только весной прошлого года удалось привлечь к этой работе старейшего реставратора Государственного Эрмитажа Ф. А. Калинина и его ученицу А. М. Малову.

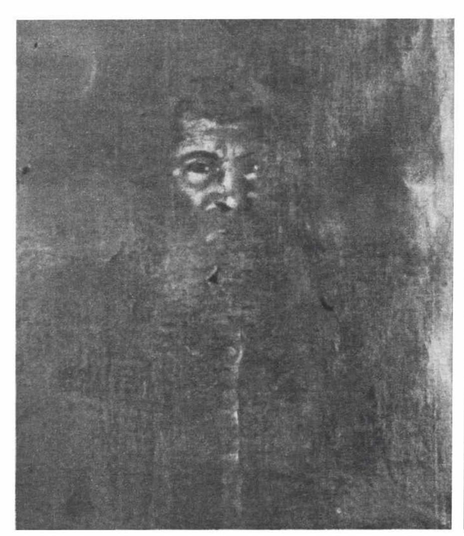
И вот длительная и трудоемкая работа подошла к концу. Открылись новые детали.

Спокойно и уверенно глядит Ефим Алексеевич Черепанов с полотна, написанного рукой опытного мастера. Во всем облике чувствуется внутренняя собранность, сосредоточенность. Вдумчив взгляд, теплыми теперь стали глаза, энергичные, бодрые. Веки кажутся слегка воспаленными, что говорит о большой и напряженной работе.

В иной манере написан портрет Мирона Ефимовича Черепанова. Он выполнен хотя и несколько слабее, но также убедительно говорит о человеке большого труда, уверенном в своих силах, вдумчивом и сосредоточенном. Особенно подчеркнуты в этом портрете черты волевого характера. Во всем облике чувствуется, что сын был достойным помощником и товарищем своего отца на путях творческих исканий.

Теперь началась новая жизнь портретов. Стала возможной их публикация. Самые портреты переданы мною в нашу национальную сокровищницу — Государственный Эрмитаж.

В. В. ДАНИЛЕВСКИЙ,
действительный член Академии наук УССР.

Портрет М. Е. Черепанова (до реставрации).

Реставрированный портрет Мирона Ефимовича Черепанова. Публикуется впервые.

Целительные источники

Первые известия о целебной силе кавказских минеральных вод относятся к 40-м годам XVIII века, но лишь в 1773 году проведено исследование серных источников, а в 1793 году составлено первое научное описание их. Вскоре кавказскими минеральными водами заинтересовались некоторые врачи и стали направлять на Кавказ больных.

Однако медицинская коллегия не принимала никаких мер к широкому ознакомлению населения с целебными источниками Кавказа. Только в 1802 году, когда дела медицины перешли в ведение Министерства внутренних дел, была организована специальная комиссия для ознакомления с кавказскими горячими ключами и холодными источниками. Комиссия в своем докладе министерству сообщала, что кавказские минеральные источники чрезвычайно полезны, и признала необходимым направить туда врачей, «чтобы они оказывали как военным, так и частным лицам все нужные наставления при лечении».

В результате заключения, данного комиссией, 6 мая 1803 года, то есть 150 лет назад, указом повелено было «устроить на Кавказских минеральных водах лечебные заведения».

Первые лечебные заведения нового курорта были примитивны. А. С. Пушкин, вспоминая свое посещение Кавказа в 1820 году, писал, что «ванны находились в лачужках наскоро построенных. Посетители жили кто в землянках, кто в балаганах, ключи, по большей части, в первобытном своем виде, били, дымились и стекали с гор, оставляя по себе белые и ржавые следы. Мы черпали воду ковшиком из коры или дном разбитой бутылки» (черновая рукопись «Путешествия в Арзрум»). Лишь к концу 20-х годов XIX века кавказские минеральные воды приняли облик относительно благоустроенного курорта.

В двадцатых годах для изучения минеральных вод был командирован на Кавказ профессор А. П. Нелюбин. Им был открыт ряд новых источников и составлен через два года изданный капитальный труд «Полное историческое медико-топографическое, физико-химическое и врачебное описание Кавказских минеральных вод». Это «Описание» в течение десятков лет оставалось единственным, дававшим сведения, необходимые не только врачам, но и больным.

Поездки на Кавказ в те времена были доступны немногим. Поэтому практические советы, даваемые Нелюбиным, рассчитаны исключительно на людей состоятельных. Прежде всего он обращает внимание на экипаж, в котором удобнее всего совершить путешествие. Для «слабых, нервных, расположенных к простуде» рекомендуется дорожная карета, «в которой бы по нужде во время пути можно было в степях проводить ночи». Лицам более выносливым советуется ехать в колясках, «прикрытых спереди зонтиком и задергиваемых с боков особыми полами». Людям «среднего состояния» Нелюбин рекомендует брички. Далее подробно говорится о дорожной одежде, приводится перечень вещей, необходимых в дороге, не рекомендуется брать с собой пуховые перины и огромные подушки, которые «много занимают места в экипаже», а заменять их легонькими матрацами и сафьянными подушками. Для услуг, необходимых в дороге, рекомендовалось взять одного—двух человек, причем «весьма не худо, когда один из них будет повар».

Ванные заведения в Пятигорске. Старинная литография.

Значительное место в советах уделено вопросам питания в дороге; отъезжающим советуется «запастись потребным количеством шоколада, также кофеем, сахаром, чаем и мадерою, иметь сухой бульон из дичины, также различные крупы, жареную дичину, белый хлеб и сухари к кофею».

Н. АШУКИН

* * *

Группа курортов кавказских минеральных вод превратилась в советское время в грандиозную здравницу мирового значения. Во вновь выстроенных здесь великолепных санаториях-дворцах ежегодно лечатся, отдыхают, набираются сил несколько сот тысяч трудящихся.

В Кисловодске, где с успехом лечат сердечно-сосудистые болезни, в прошлом году побывало свыше 120 тысяч человек. 41 санаторий и другие лечебные учреждения обслуживает более 500 врачей. Санатории и курортные поликлиники снабжены самым совершенным медицинским оборудованием. В течение прошлого года больные приняли почти полтора миллиона нарзанных ванн. Скоро курортники смогут пользоваться в Кисловодске лечебным пляжем, который раскинется на берегу большого искусственного озера.

Старейший курорт Ессентуки обладает одной из лучших в Советском Союзе грязелечебниц, реконструированной в послевоенные годы.

Тысячи больных находят ежегодно исцеление на Пятигорском курорте.

Последние гидрогеологические исследования, проведенные геологами, обеспечивают возможность применения целебных кавказских минеральных вод в еще более широких масштабах.

Крик души

Фотоснимки из французского журнала «Ар де ля Мод» № 2753.

Варвара КАРБОВСКАЯ

«Я взываю о помощи! Я зову французов помочь мне спасти от разрушения одно из самых драгоценных наших достояний — Версальский дворец! Версаль разрушается. Дворец в опасности. Его крыша протекает, стены трескаются, портятся потолки. Гибнут сады, фонтаны, павильоны...»

Чья исстрадавшаяся душа взывает о помощи?

Прежде чем ответить на этот вопрос, дочитаем до конца (ибо призыв напечатан). Итак: «...Гибнут сады, фонтаны, павильоны. Произнося эти слова, я хочу разбудить в сердцах тех, кто меня услышит, чувство отчаяния и... почти унижения! Версаль — это более чем дворец. Это — то место, куда стекаются толпы народа любоваться и благоговеть перед памятниками художественному гению человека... Для нас, французов, это не только шедевр искусства, но и история Франции, которую ничто нам не заменит... Мои дорогие собратья, мы должны отвести нависшую угрозу. Спасем Версаль!»

Имя автора подписано под воззванием. Это Андре Корню, секретарь французского департамента искусств, он же президент комитета по сохранению Версаля. А журнал, любезно предоставивший 27-ю страницу для отчаянного вопля Андре Корню,— это французский... модный журнал. Да, да, тут нет никакой ошибки. Вот он перед нами, объемистый, красочный «Ар де ля Мод» № 2753, с обложки которого смотрит модница в меховом жакете.

Перелистаем страницы. Первые двадцать пять заполнены пестрой рекламой. Французский журнал из кожи лезет вон, расхваливая американскую губную помаду: «Француженки будут в восторге — эта помада испробована и одобрена американками!» Нью-йоркская фирма рекомендует крем: «Если хотите иметь яркий цвет лица американок, употребляйте только наш крем!»...

И вот, наконец, 26-я страница. На ней фотография, не имеющая ничего общего с губной помадой и кремом: обшарпанные колонны, темный, потрескавшийся потолок, следы разрушения и запущенности. «Дворцовый театр, создание Габриеля, осуществленное скульптором Пажу, угрожает превратиться в развалины»,— так сказано в пояснении. Пояснения к версальским фотографиям набраны петитом и помещены в самом конце журнала. Это уступка президенту комитета по сохранению Версаля со стороны издателей дамского модного журнала:

«Господин президент в отчаянии? Он умоляет напечатать его призыв к собратьям-французам? Дела господина президента так плохи, что он прибегает к содействию модного журнала? Очень хорошо. Прекрасно! Мы, издатели «Ар де ля Мод», пожалуй, согласимся предоставить мсье Корню местечко на своих страницах, но... при одном условии: интересы наших клиентов — солидных фирм — прежде всего! Солидные фирмы платят деньги за рекламу. А у господина президента нет денег даже на починку дворцовой крыши. Вывод ясен?»

Издатели изложили свои условия, а Андре Корню... не осталось ничего другого, как согласиться.

«Мы дадим фото Версальского дворца, садов и фонтанов, но не иначе как в виде эффектного фона для наших реклам и живых моделей,— решили предприимчивые издатели.— Версальская старина, и на ее фоне новейшие туалеты последних фасонов! Это будет неплохой бизнес, по выражению наших заокеанских друзей...»

И вот Версаль в один прекрасный день был наводнен фотографами, живыми моделями и представителями торговых модных фирм. После этого журнал вышел в свет.

— Все-таки печать откликнулась на бедствие Версаля,— утешает себя, должно быть, Андре Корню.

— Эффектно, чорт возьми, подали наш товар! — потирают руки торговцы.

И в самом деле, эффект редкостный. Вот, к примеру, некоторые страницы журнала.

Рабочий кабинет Людовика XV в Версале... Посреди кабинета кокетливая живая модель демонстрирует белое атласное платье и зеленые перчатки...

Зал Войны... На первом плане томно улыбается сухощавая девица в сверхмодном платье из тюля...

Зал Мира... На фоне замечательных колонн из темного мрамора рекламируется вечернее манто... В другом зале, где еще частично сохранилась дивная резьба по дереву работы Верберкта (так сказано в примечании), царит полновластно крикливая реклама мехов...

«Грациозный павильон Бельведер на берегу озера, где сфинксы с загадочными улыбками стерегут вход»,— читаем в примечании. Зеркальные воды этого поэтического озера предоставлены жирно напечатанной рекламе: ...«Зеленый ветер», или «Красотка Дама».

Версальской библиотекой, где, судя по кратким пояснениям петитом, Антуан Руссо работал над деревянной резьбой, Гутьер — над бронзой, Буазо — над мрамором по рисункам Габриеля,— этой драгоценной библиотекой завладел некий парфюмер, предлагающий «лучшие в мире запахи»...

Мраморная лестница, выстроенная Мансаром в 1686 году, распростерла свои сто ступеней под объявлением торговца шелками...

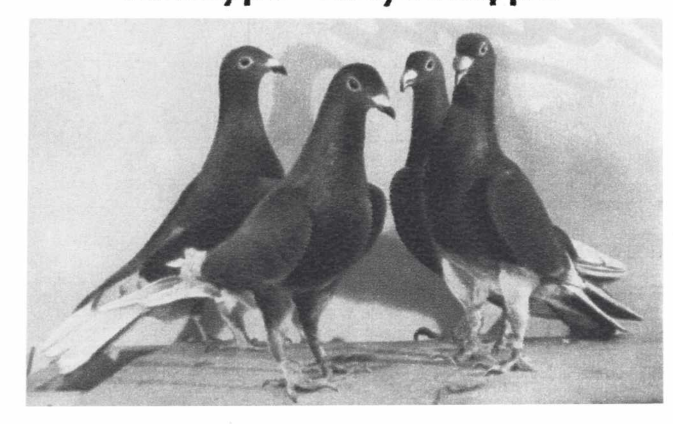
Одна из лучших статуй Версаля, «Воздух», творение ле Хонгра, нашла место на страницах «Ар де ля Мод» при том условии, что на ее фоне какой-то торговец расхваливает «скульптурную линию» корсетов и бюстгальтеров...

Так со страниц модного журнала зазвучал призыв: подайте на починку крыши Версальского дворца! Кто услышит эту просьбу и придет на помощь? Читательницы «Ар де ля Мод», французские модницы? Они предпочтут истратить сотни тысяч франков на туалеты, на меха. Не услышат голоса хранителя Версаля и широкие массы французов: простые женщины Франции не покупают модных журналов стоимостью в 700 франков. Может быть, президент рассчитывает, что высокопоставленные особы, жены сегодняшних правителей Франции, перелистав страницы с рекламой американской губной помады и американского крема, наткнутся на его воззвание, проникнутся патриотическим духом и с негодованием обратятся к своим мужьям:

— Примите же меры! Наш Версаль погибает!

Ну, нет! Корню явно не приходится рассчитывать на этих влиятельных мужей. К ним он обращался не раз, не два и не три. Государственным мужам не до Версаля. Они в поте лица вытягивают у плательщиков налогов деньги на вооружения. Они делают это по приказу своих американских хозяев — для того, чтобы спасать культуру Европы от мнимой «красной опасности». На то, что разрушается культура Франции при их попустительстве, им, откровенно говоря, наплевать. К тому же и заокеанские покровители не похвалят их за столь «непроизводительный» расход.

Конкурс голубеводов

Красные «почтари»

Совершенствуя породы пернатых, голубеводы стремятся создать птиц, которые отличались бы не только летными качествами, но и были бы красивы.

Любители настойчиво трудятся над улучшением новых отечественных пород. Порода голубя должна быть «чистой, как стеклышко», говорят знатоки. Зачастую возникают среди них жаркие споры о каком-либо одном нежелательном пятнышке или «ободке» на крыле птицы. Любителю придется еще годы трудиться, чтобы ликвидировать этот небольшой дефект, указанный голубеводу товарищами по секции.

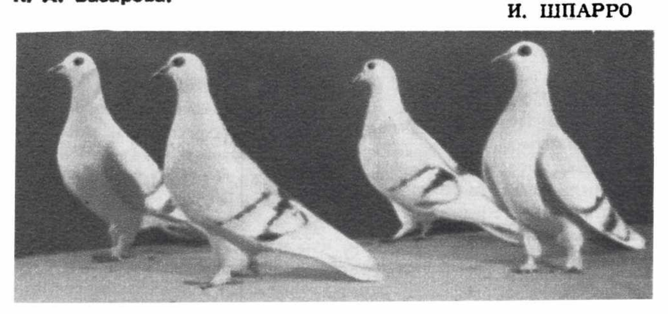
Для выявления лучших птиц устраиваются конкурсы-смотры достижений любителей.

Сотни птиц недавно прошли перед требовательным жюри московского конкурса под председательством биолога Ю. А. Грищенко.

Соблюдена ли у птицы красивая выгнутая линия от затылка до клюва? Правилен ли постепенный переход головы в корпус? Хорошо ли развиты грудь и крылья? Все ли признаки породы налицо?

В результате жюри признало лучшими красных «почтарей» С. Ф. Голованова и декоративных «чисто-оловянистых» К. А. Базарова.

И. ШПАРРО

«Чисто-оловянистые»

НЕРАВНЫЙ ГРУЗ

Два грузовика одинаковой мощности, груженные тюками равного веса, но в разном количестве, шли проселочной дорогой. На остановке один из шоферов пожаловался на перегрузку своей машины.

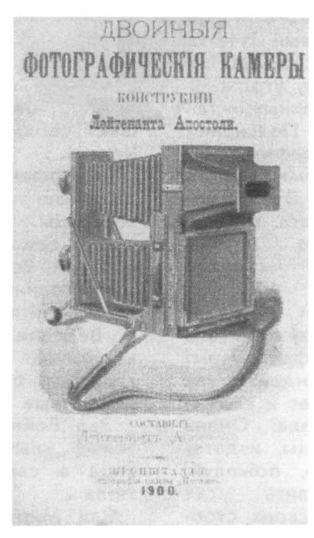
— Напрасно ты ворчишь, — заметил ему другой водитель. — Если ты переложишь на мою машину только один твой тюк, мой груз станет вдвое больше твоего, а если я переложу к тебе один свой тюк, наши грузы лишь сравняются.

По скольку же тюков было погружено на каждую машину?

Из почты «Огонька»

ДВОЙНЫЕ ФОТОКАМЕРЫ — РУССКОЕ ИЗОБРЕТЕНИЕ

Наши камеры «Любитель» и «Комсомолец» появились несколько позднее иностранных подобной конструкции. Однако все эти аппараты зарубежные фирмы строили по принципу двойной камеры русского офицера Н. Н. Апостоли, сконструированной им еще в конце прошлого столетия и описанной в брошюре, изданной в 1900 году

ДВОЙНЫЯ
ФОТОГРАФИЧЕСКІЯ КАМЕРЫ
конструкціи
Лейтенанта Апостоли.

1900.

в Кронштадте типографией газеты «Котлин».

Конструкция камеры была подсказана необходимостью производить съемки в море с движущегося и качающегося корабля без штатива. Двойная камера, нижний этаж которой предназначался для съемки, а верхний — для наблюдений на матовом стекле, подвешивалась на частях корабля, была маневренной и позволяла делать моментальные снимки на пластинках 13 × 18 сантиметров.

В мастерских Петербурга было построено пятьдесят таких камер для русского флота.

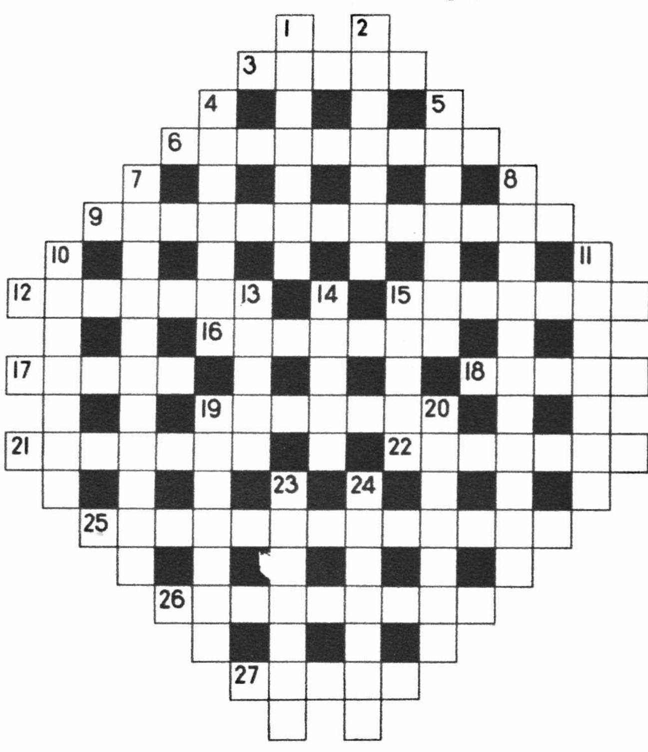
В предисловии к своей брошюре конструктор камеры говорит, что он не считает нужным патентовать свою конструкцию.

Как видим, ее использовали иностранные фирмы, но для меньшего формата.

С. ИВАНОВ

Ленинград.

КРОССВОРД

По горизонтали:

3. Персонаж из произведения Бальзака. 6. Народный испанский танец. 9. Возникновение. 12. Вспомогательный материал. 15. Род застежки. 16. Управление факультета. 17. Сильный вихрь. 18. Персонаж из пьесы «На дне» М. Горького. 19. Внешний признак. 21. Повесть Н. В. Гоголя. 22. Пояснение автора к тексту пьесы. 25. Геометрическая фигура. 26. Сборник художественных произведений. 27. Игра.

По вертикали:

1. Крупное каменноугольное месторождение в Монгольской Народной Республике. 2. Французский поэт-демократ. 4. Род соуса. 5. Получатель корреспонденции. 7. Орган для надзора за соблюдением законности. 8. Специальность. 10. Духовой музыкальный инструмент. 11. Небольшая рыба. 13. Количество газа или жидкости, даваемое источником за определенный срок. 14. Часть сцены. 15. Страстность, горячность. 19. Часть круга. 20. Персонаж из «Русалки» А. С. Пушкина. 23. Река на Урале. 24. Обработанный кусок металла.

ОТВЕТЫ НА КРОССВОРД, НАПЕЧАТАННЫЙ В № 18

По горизонтали:

4. Налбандян. 9. «Тачанка». 10. Мелехов. 11. Дарья. 14. Носов. 16. Соколов. 18. «Жатва». 20. Годун. 21. Норцов. 22. Кабато. 24. Ковпак. 26. Кошевой. 27. Шадрин. 31. «Даурия». 32. Яровая. 35. Нефтепровод. 36. Кочегар. 37. «Альпы».

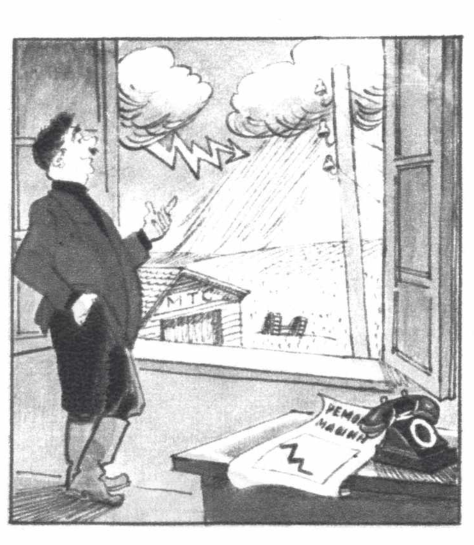
По вертикали:

1. «Чайка». 2. Пастухов. 3. «Мятеж». 5. «Чапаев». 6. «Мать». 7. «Лело». 8. «Хорошо». 12. Воронов. 13. Ромашов. 15. Саянов. 17. Шурпин. 19. Анна. 20. Гора. 23. «Перекоп». 25. Птаха. 28. Драма. 29. Михеев. 30. Пролог. 33. «Острова». 34. «Стожары».

* * *

Коллектив редакции «Огонька» горячо благодарит артистов, принявших участие в концерте, посвященном 30-летию «Огонька»: народную артистку РСФСР Н. А. КАЗАНЦЕВУ; солистов Большого театра СССР, заслуженных артистов республики В. И. БОРИСЕНКО, И. В. ТИХОМИРНОВУ, М. М. ПЛИСЕЦКУЮ, Г. К. ФАРМАНЯНЦА; артиста Малого театра, заслуженного артиста республики И. А. ЛЮБЕЗНОВА; артистов Театра имени Вахтангова, народных артистов республики Ц. Л. МАНСУРОВУ и М. Ф. АСТАНГОВА; артистов Центрального театра Советской Армии, заслуженных артистов республики Л. И. ДОБРЖАНСКУЮ и А. М. ХОДУРСКОГО; артистов Центрального театра транспорта, заслуженного артиста республики В. И. ХОХРЯКОВА и А. Н. ТОЛБУЗИНА; артистов Театра киноактера Н. Ф. АГАПОВУ и Г. Ф. РОМАНОВА; артистов Октета Краснознаменного ансамбля песни и пляски Советской Армии, Н. А. АБРАМОВА, И. П. БОБКОВА, Н. П. ДУБРОВСКОГО, В. И. КОРКИНА, В. А. МОСЬКИНА, заслуженного артиста РСФСР Н. А. ОЗЕРЕЦКОВСКОГО, А. Г. ПЕЧКОРОВА, С. А. РУБАНОВИЧА, Б. М. ХЕВЕЛЕВА, А. В. ШИЛОВА; артистов эстрады, заслуженных артистов РСФСР А. А. РЕДЕЛЬ и М. М. ХРУСТАЛЕВА; артистов Театра оперетты Е. Ф. САВИЦКУЮ и народного артиста РСФСР Г. М. ЯРОНА; артистов Госцирка М. Н. РУМЯНЦЕВА (КАРАНДАШ), Н. А. СКАЛОВА, Г. Л. РАШКОВСКОГО, Х. А. АБДУЛАЕВА, Н. Л. ЗЛАТОПОЛЬСКОГО, Е. М. ОБЫЧАЙКО, Н. и А. БАЙКОВЫХ, А. П. КАНАЕВА.

В этом номере на вкладках помещены репродукции картин: И. И. Левитана «Март», И. Е. Репина «Запорожцы», И. И. Шишкина «Сосны, освещенные солнцем», — и четыре страницы цветных фотографий.

Люблю грозу в начале мая...

Рисунки Ю. Черепанова.

Главный редактор — А. А. СУРКОВ.

Редакционная коллегия: Б. С. БУРКОВ (зам. главного редактора), А. С. ВАРШАВСКИЙ, В. С. КЛИМАШИН (зам. главного редактора), Е. Н. ЛОГИНОВА, М. В. МАРИНА, Б. Н. ПОЛЕВОЙ, Н. С. ЩЕРБИНОВСКИЙ.

Адрес редакции: Москва, ул. «Правды», 24. Тел. Д 3-38-61.

Оформление И. Уразова.

А 02246. Подп. к печ 5/V 1953 г. Формат бум. 70 × 108⅛. 2,5 бум. л. — 6,85 печ. л. Тираж 550 000. Изд. № 337. Заказ № 905. Рукописи не возвращаются.

Типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина. Москва, ул. «Правды», 24.

Рисовые поля на Кубани. Фото С. Раскина.

ЦЕНА 3 РУБ.